

«Прочитав, я влюбилась. Это роман о сильной, искренней
и сокрушающей любви, от которой замирает сердце».

ДЖЕННИФЕР НИВЕН

Трекрасные РАЗБИТЫЕ СЕРДЦА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА NEW YORK TIMES

18+

КАМИ ГАРСИЯ

Ками Гарсия
Прекрасные разбитые сердца
Серия «Young Adult. Бестселлеры
романтической прозы»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39827368
Ками Гарсия Прекрасные разбитые сердца:
ISBN 978-5-04-093196-5

Аннотация

Ее сердце жестоко разбили, и, похоже, осколки уже не собрать. Пейтон – талантливая футболистка, которую ждет спортивная стипендия в одном из лучших университетов страны. Но когда она узнает о мрачной тайне своего парня, Рида, ее мечты и будущее оказываются под угрозой. Пейтон приходит в сознание на земле с тяжелейшей травмой колена. Теперь о футболе можно забыть на многие месяцы. Никто не верит Пейтон, что это была не случайность. От нее отвернулась даже самая близкая подруга. Но Пейтон готова не только к длительному лечению, но и к борьбе – она докажет всем, что под маской заботливого идеального парня скрывается монстр.

Он должен впустить кого-то в свое сердце, пока не стало слишком поздно.

Оуэн – милый, надежный и во всех смыслах чудесный парень. Но, как и у любого из нас, у него есть свои тайны. Пейтон не готова к новым отношениям, а Оуэн не хочет разбивать ей сердце. Поможет ли любовь преодолеть их драматическое прошлое, которое удерживает от счастья в настоящем? И стоит ли бороться за любовь, если она так хрупка?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	59
Глава 6	75
Глава 7	80
Глава 8	95
Глава 9	104
Глава 10	113
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ками Гарсия Прекрасные разбитые сердца

Kami Garcia

BROKEN BEAUTIFUL HEARTS

Copyright © Kami Garcia, 2017

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Серия «Young Adult. Бестселлеры романтической прозы»

© Медведь О., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2019

* * *

«Это история для всех, чье сердце однажды было разбито, но отважилось снова полюбить».

Даниэль Пейдж, автор бестселлеров New York Times

Чтобы птица полетела, должна расколоться

скорлупа.

Альфред Теннисон

Глава 1

Когда звезды выстраиваются в ряд

Я ВЕРЮ, что у всего есть причина, и обычно эта причина – полная ерунда. А еще верю, что шнурки моих футбольных бутс, в которых бегала в восьмом классе, приносят удачу; Адель – самая талантливая певица, когда-либо разгуливавшая по земле; а попкорн без масла – всего лишь кукуруза.

Но больше всего я верю в то, что, если повезет – хотя бы однажды в жизни, – твой день может стать идеальным. День, когда все звезды в твоей собственной вселенной выстраиваются в ряд, а мечты кажутся осуществимыми.

Знаете, что самое интересное?

Мне кажется, что сегодня – мой день.

Только папы здесь нет.

Эта мысль набрасывается на меня, но я борюсь с ней.

Сегодняшний день может быть единственным идеальным.

И папа не хотел бы, чтобы я потратила его впустую.

Поднимаю со стола письмо и перечитываю в десятый раз

с тех пор, как оно пришло вчера.

Уважаемая мисс Риос.

После тщательного рассмотрения тренерский штаб команды по женскому футболу университета Северной Каролины в Чапел-Хилл верит, что у вас есть качества, которые мы ищем в студенте-спортсмене. Как главный тренер команды по женскому футболу в этом университете, хочу официально предложить вам раннее зачисление и возможность играть в футбол за нашу команду, которая одержала победу в 21 из 35 национальных чемпионатов NCAA.

Пожалуйста, поймите, что это зачисление зависит от вас:

*выполняйте рекомендации вашего школьного тренера;
преуспевайте в академических дисциплинах;
продолжайте демонстрировать лидерство и хорошие
футбольные навыки; и
следующей осенью сыграете на своей текущей позиции
центрального нападающего.*

Я хотела этого, сколько себя помню, но сейчас не могу в это поверить.

– Пейтон? – кричит снизу мама.

– Бегу.

Складываю письмо и засовываю в рюкзак.

Собираю темные волнистые волосы в хвостик, перевязываю.

ваю резинкой и быстро смотрюсь в зеркало. Мой гардероб состоит из постоянных зауженных джинсов и брюк-карго, которые делают акцент на моих длинных ногах, многослойных топов, приталенных футболок и ботинок до лодыжек. Сегодняшний день – не исключение.

Две минуты стандартно трачу на макияж – под глаза консилер, на губы ягодный бальзам, который еще выступает в роли блеска.

Теперь остается найти мои черные ботинки до лодыжек.

– Ты опоздаешь, – кричит мама.

– Иду! – Наклоняюсь и проверяю под кроватью – пара свернутых футбольных носков, ежегодники начальной школы, бутылочка лака для ногтей, старые выпуски «Soccer 360», энергетический батончик, который теперь можно использовать в качестве молотка, и... мои ботинки.

Есть!

Вытаскиваю их за шнурки и надеваю. Папины жетоны болтаются на серебристой цепочке. Я никогда их не снимаю. Когда я настояла на том, что надену их с платьем без бретелек, выбранным для весеннего бала, мама придумала, как прикрепить их к платью изнутри, чтобы не было заметно. Я пошла бы с ними на шее в любом случае.

Выходя из комнаты, хватаю черную кожаную куртку, перекинутую через спинку стула возле двери, на которой висит плакат моего футбольного идола, Алекс Морган. Куртка принадлежала папе. Надеваю ее. Рукава достают до кончи-

ков пальцев, кожа потрескалась, но я все равно ее люблю.

Сбегаю по ступенькам и захожу на кухню.

Мама поднимает коричневый маффин.

– Хочешь взять с собой?

– Нет, если там есть овес, орехи, сухофрукты или семечки.

Она разламывает маффин пополам, для чего требуется приложить усилия, потому что он крепкий, как кусок кекса. Раньше приготовлением еды занимался папа. Он был кубинцем и каждое утро начинал с *café con leché* – крепкого кубинского кофе с теплым молоком – и толстого тоста с маслом. А после его смерти я занялась готовкой, но не могла себя заставить есть завтрак, который он мне всегда готовил. Теперь мама решила научиться готовить. Маффины – ее последний эксперимент.

Роюсь в кладовке.

– А у нас есть пончики?

– Пончики – чистый сахар. Они не считаются завтраком.

Она наливает чашку кофе и дает ее мне.

Добавляю молоко и сахар.

– Тогда почему магазины, где продаются пончики, открываются в пять утра?

– Это одна из великих загадок. – Мама откусывает от маффина и морщится, когда думает, что я не смотрю. – Ты уже сказала Тесс?

– Нет.

– Удивлена, что ты столько продержалась.

– Хочу посмотреть на ее лицо, когда сообщу.

– Что насчет Рида? – спрашивает она.

Я пока не связывалась со своим парнем.

– Он работал допоздна. Наверное, еще спит. И будет веселее объявить всем лично.

Допиваю кофе и ставлю чашку в раковину.

– Я погнала.

– Аккуратнее на дороге, – говорит мама, когда я выхожу.

Закидываю рюкзак на заднее сиденье красной «Хонда HR-V» и сажусь за руль. Дорога усеяна разноцветными листьями, упавшими с дубов и кленов. Мой район всего в двадцати минутах от центра Вашингтона и в десяти от устаревших невысоких многоквартирных домов в комплексе, где живет Тесс. Но так и не скажешь.

Моя улица как будто находится в небольшом городе – над дорогой возвышаются огромные деревья, дома в стиле кейп-код¹ и маленькая библиотека на углу, которая напоминает мне розовый кукольный домик.

По дороге к Тесс стараюсь придумать, как рассказать ей про университет Северной Каролины. Но не получается. Мы обе знаем, что университеты на этой неделе разослали письма о раннем зачислении и спортивной стипендии. Если я покажусь у ее двери со сложенным листком бумаги, все станет слишком очевидно. Хотя это уже не важно. Даже если я не

¹ Кейп-код – традиционный тип североамериканского сельского (загородного) дома XVII–XX веков.

удивлю Тесс, она все равно поднимет шумиху из-за моей новости. Именно так поступают лучшие друзья, когда с тобой происходит что-то удивительное.

Паркуюсь рядом с домом Тесс и начинаю вылезать из машины с листком в руке. Но в последнюю минуту опускаю его на пассажирское сиденье, чтобы она нашла его, когда сядет. Поднимаюсь по бетонным ступенькам, избегая осыпавшихся частей лестницы, которую город должен был починить два года назад. Набираю код на входной двери.

Мне не терпится поделиться новостями с Ридом. В том, что встречаешься с братом лучшей подруги, есть преимущество – когда приходишь к кому-то из них, всегда видишь обоих.

Семь месяцев назад Рид был всего лишь сексуальным старшим братом моей лучшей подруги – пока вечеринка, четыре игры в пиво-понг и поездка домой все не изменили. Мы с Тесс были не единственными одиннадцатиклассниками, показавшимися на грандиозной вечеринке в честь весенних каникул в доме Чикена Джонсона. Но мы оказались единственными одиннадцатиклассниками, которые сдуру согласились сыграть в пиво-понг с Чикеном и командой борцов. Парни были выпускниками, как и Рид, и превосходили нас как по весу, так и по количеству выпитого.

После проведенного в ванной часа, в течение которого я держала волосы Тесс, пока ее рвало, Рид отнес сестру в машину. Он выглядел сексуальнее обычного, в джинсах, низ-

ко сидящих на бедрах, и серой футболке с надписью «18-е уличные смешанные единоборства», подчеркивающей его мускулистую грудь. Он не был слишком красивым. Его голубые глаза, нос с горбинкой, растрепанные черные волосы и задумчивое выражение лица скорее подошли бы гладиатору, а не симпатичному парню.

Но он выглядел очень сексуально.

Тесс вырубилась на заднем сиденье, и я села на переднее. Это было впервые. Тесс всегда сидела спереди, и я предпочитала ничего не менять. Я годами была без ума от Рида, но почти его не знала – не сидела рядом с ним в машине... и даже почти не разговаривала с ним.

За всю дорогу до квартиры я не произнесла ни слова, кроме случайных «ага», чтобы создать видимость участия в разговоре. Рид занес Тесс в ее комнату и положил на кровать, пока я стояла в дверном проеме.

– Убедись, чтобы она выпила адвил, когда проснется, – сказал он, направляясь к двери – и ко мне.

Я застыла, и Риду пришлось протискиваться мимо меня, чтобы выйти. Он сдвинулся влево, я сдвинулась вправо, наткнулась спиной на дверной косяк, и мое лицо оказалось в сантиметрах от его ключицы.

Он подхватил меня за талию и посмотрел на меня.

– У тебя очень красивые глаза. Как будто золотые.

Мне и раньше отвечивали комплименты по поводу глаз. С определенных ракурсов из-за контраста между светло-ко-

ричневой кожей и темными волосами рыжие крапинки в моих карих глазах становятся золотистыми.

– Они просто карие.

– Золотисто-карие. – Рид перекинул мои волосы через плечо, пальцы коснулись задней части моей шеи. Его рука осталась там, и я прикусила нижнюю губу, чтобы не ахнуть.

Его взгляд задержался на моих губах.

– Ты понимаешь, насколько это выглядит сексуально?

В тот момент, когда мое сердце колотилось, а Рид касался меня и смотрел на мой рот, мне лишь хотелось, чтобы он поцеловал меня. Он провел большим пальцем по моей нижней губе, и в этот раз я ахнула.

Рид усилил хватку на моей талии и спиной вывел меня из комнаты Тесс, закрыв за собой дверь. Его рука опустилась на мою задницу, и он наклонился ко мне.

– Надо было давно это сделать.

Пришлось напомнить себе, что надо дышать.

Когда Рид наконец поцеловал меня, его губы оказались жесткими после стольких лет драк. Но мне было все равно. Его рот продолжал искать мой – снова и снова, и снова.

– Я хочу еще раз тебя поцеловать, – прошептал Рид. – Завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. Как тебе такая мысль?

Он не стал ждать ответа.

Затем отстранился и самодовольно улыбнулся.

– Хочешь завтра вечером чего-нибудь перекусить? У меня

бой, но он не слишком затянется.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он пригласил меня на свидание. Вечно побитый и с поцарапанными костяшками пальцев, Рид не подходил на роль короля бала, но это не сказывалось отрицательно на его социальной жизни. У него была репутация оберегающего, взбалмошного, задиристого и веселого – чего совершенно не хватало в моей жизни.

Девчонки останавливали Тесс в школе, чтобы раскопать о нем информацию. Была ли у ее брата девушка? Где он тусовался? Замолвит ли Тесс за них словечко?

Рид Майклс – предмет их обожания – последние десять минут целовал меня, а теперь приглашал на настоящее свидание? Как я могла отказаться?

Да и зачем отказываться?

Поэтому я дала ответ, с которым согласилась бы любая девчонка, у которой все еще покалывало губы после его поцелуя.

– Да.

Трудно поверить, что тот вечер был семь месяцев назад.

Тогда я брела по своей жизни, стараясь понять, как жить без папы, а Рид помог мне преодолеть некоторые неудачные периоды.

За дверью квартиры со стуком падает на пол что-то тяжелое. Стучусь, и Тесс кричит:

– Секундочку.

Она открывает дверь, одной рукой поддерживая косы на затылке.

– Я почти готова.

– Ты так говоришь каждый день.

Иду за ней, огибая папки и учебники, вывалившиеся из ее рюкзака на пол.

– Уронила его. – Она пинает рюкзак, из которого вылетает еще один учебник. Тесс пыхтит и заканчивает заплетать свои светлые волосы. Они ниже лопаток, но она никогда не носит их распущенными. Сейчас у нее стадия косичек. Она закрепляет косы на затылке, а вокруг них обматывает остальные волосы, чтобы получилась корона. Понятия не имею, как она это делает. У меня с трудом получается аккуратный хвостик.

Показываю на ее волосы.

– Это что-то новенькое.

– Что думаешь? – Она заправляет за уши несколько упрямых прядей. – Как у принцессы-воительницы. Правда?

Ее утонченные черты лица скорее подошли бы принцессе, а не воительнице, но Тесс совсем не изнеженная.

– Понятия не имею, что это значит, но выглядит круто. – Осматриваю коридор за ее спиной. – Рид спит?

– Ага.

Рид знает, как я хотела поступить в университет Северной Каролины. Может, разбудить его и рассказать? Тогда он сможет снова лечь спать.

Или в итоге весь день проведет в ужасном настроении.

Пусть поспит.

Несколько месяцев назад я бы не задумываясь разбудила его, вероятно, прыгнув на его кровать.

– Поздно вернулся? – спрашиваю я.

– Очень поздно. И выглядел дерьмово.

Тесс виновато отводит взгляд. Наклоняется и собирает рассыпавшиеся бумаги, ручки и учебники. Она старается запихнуть все обратно в рюкзак, но ничего не получается.

– Участвовал в подпольном бою?

– Он не говорил. Но его руки были сбиты в кровь, и как пришел домой, сразу же прижал к челюсти пакет с замороженным горошком.

Рид втянулся в подпольные бои два месяца назад. Решил, что за одну ночь уличных боев может заработать денег больше, чем за две недели тренировок других борцов.

Однажды он привел меня на свой бой на парковке, где люди делали ставки. Эти бои, кровопролитные и жестокие, без правил и судей, практически не напоминали ММА² – да и любой спорт. И Рид наслаждался каждой минутой.

– Я волнуюсь за него, Тесс. Он может пострадать. – Сама она ни разу не ходила на подпольные бои. – Когда я завожу этот разговор, мы всегда начинаем ругаться.

Она тянет молнию на рюкзаке, которая не застегивается.

– Пожалуйста, не злись на него. Я тоже не хочу, чтобы он участвовал в этих боях. Но мама не может расплатиться по

² ММА – от *англ.* Mixed Martial Arts – смешанные боевые искусства.

счета.

Забираю у нее рюкзак и все перекладываю, чтобы поместилось.

– Я не злюсь. Просто волнуюсь. Если его поймают, то выгонят из лиги.

И это будет означать конец его мечте о профессиональных соревнованиях в Абсолютном бойцовском чемпионате³.

Начав встречаться, мы разговаривали с Ридом по ночам, мечтая вслух. Что он будет получать звания ММА, пока его потенциалом не заинтересуется какой-нибудь спонсор или широко известный тренер. Что я буду играть в футбол за Дивизион I, а после окончания школы меня выберут для профессиональной игры.

– Он делает это ради меня, – тихо произносит Тесс.

– Ты не можешь винить себя. – Сражаюсь с молнией, пока она не застегивается. – Рид сам делает выбор. Никто не указывает ему, что делать.

Она улыбается.

– Кого-то мне это напоминает.

– Приму это за комплимент.

Тесс смеется, и ее голубые глаза загораются. Они с Ридом совсем не похожи, но потрясающие голубые глаза у них одинаковые. Голубой океан – как на фотографии с моими бабушкой и дедушкой на пляже Кубы, до их иммиграции в

³ Спортивная организация, проводящая бои по смешанным единоборствам по всему миру.

США. Я ни разу в жизни не видела такой голубой воды.

Направляясь к выходу, замечаю дыру в гипсокартоне за входной дверью.

– Что произошло? Как будто кто-то пробил в ней дыру.

Ее взгляд устремляется к дыре.

– Близко. Они с Ти Джеем дурачились, когда Рид открывал дверь. Ти Джей бросился на него, и они так сильно навалились на дверь, что она распахнулась и ручка вошла в стену. Мама не обрадовалась и заставляет Рида починить ее.

Что-то в этой дыре не так, но я не могу понять, что именно.

Тесс открывает дверь, в коридоре стоит ее мама и возится с ключами.

Миссис Майклс ахает.

– Я не слышала, что вы идете.

Круги под ее глазами темнее обычного. Наверное, возвращается с двойной смены в кафе. Тесс придерживает для нее дверь.

– Спасибо, милая. – Мама плетется внутрь, как будто ходит во сне. Пытается повесить ключи на крючок, но промахивается, и они падают на пол.

Я спешу поднять их.

– Извините. Не знаю, что со мной.

Миссис Майклс зеваает.

– Ты работала восемнадцать часов подряд и устала, – говорит Тесс и убегает на кухню.

Ее мама улыбается мне.

– Как у тебя дела, Пейтон?

– Все хорошо.

Даже лучше. И я вдруг чувствую себя виноватой. Тесс возвращается с чашкой кофе и отдает ее маме.

– Спасибо.

Миссис Майклс опускается на диван, делает несколько глотков кофе и ставит чашку на край стола.

– Тебе еще что-нибудь нужно, пока я не ушла? – спрашивает Тесс.

– Нет, все в порядке. – Мама Тесс развязывает фартук и кидает его на стул. – Идите в школу.

Она откидывает голову на спинку дивана и закрывает глаза.

Мы на цыпочках выходим из квартиры, и Тесс запирает за нами дверь. К машине она идет по краю тротуара, словно по канату, ставя один потертый ботинок перед другим. Очевидно, она еще не слышала про университеты.

Теперь я жалею, что оставила письмо на пассажирском сиденье.

Когда мы доходим до машины, я стараюсь сесть первой и убрать его, но Тесс быстрее меня. Она поднимает письмо и открывает его.

– Подожди... – Я тянусь за ним, но она уже читает.

– Черт побери. – Она смотрит на меня. – Ты поступила! Почему ничего не сказала?

– Хотела сказать лично, но показалось, что момент неподходящий.

Она закрывает письмо и кладет на приборную панель.

– Почему? Потому что я жалею себя?

– Тесс...

– Прекрати. Это самое важное событие. – Она берет меня за плечи и трясет. – Ты поступила в университет Северной Каролины! Ты станешь следующей Алекс Морган!

При упоминании моей любимой футболистки я широко улыбаюсь.

– Сомневаюсь, но не сглазь.

– Нельзя сглазить неизбежное. – Она отводит взгляд. – Опережая твой вопрос, мне ничего не пришло, и я в порядке.

– Волноваться совершенно нормально.

Тесс прислоняется головой к окну.

– А что, если мне вообще не предложат стипендию?

– Письма разослали всего два дня назад. Многие ждут, – напоминаю ей. – И это лишь первый этап академических стипендий. Ты поступишь благодаря своему среднему баллу и оценкам за тесты.

Мы обе знаем, что она вряд ли получит футбольную стипендию. Тесс хорошо играет, но на поле не выделяется так же, как в классе.

Она начинает что-то говорить, но я добавляю:

– И я говорю это не потому, что ты моя лучшая подруга.

– Среднего балла и оценок за тесты может быть недоста-

точно.

– Ты еще поешь в хоре и являешься членом комитета по созданию ежегодников, и это впечатляет, учитывая, что ты – самая настоящая убийца рифмы, и твои единственные фотографии – селфи. – Уголок ее рта ползет вверх, поэтому я продолжаю: – К тому же у тебя в два раза больше часов общественных работ, чем у всех нас.

– Чтобы быть разносторонним, следует трудиться больше, чем на настоящей работе.

Тесс обнимает ноги и кладет подбородок на колено. Она не прекратит жалеть себя.

Пора переключиться на следующую ступень.

– Разве ты не рассказывала мне, что примерно пять процентов учеников, которым дают стипендию, отказываются от нее?

Специально озвучиваю другой процент:

– Девять процентов. В статье говорилось, что многие отказываются, потому что их принимают в университет, который им нравится больше, или другой университет предлагает большую стипендию.

– И тогда?..

Она понимает, что я делаю, и закатывает глаза.

– И тогда комитет по стипендиям обращается к человеку, следующему в списке.

– Моя работа закончена.

Срезаю через автозаправку, которая делит парковку с «7-

Eleven»⁴, включая заднюю и совершаю самую идеальную параллельную парковку в своей жизни.

– Весьма неплохо для девушки, которая дважды проваливала экзамен по вождению.

Тесс старается сохранить серьезное выражение лица.

– Я лишь раз заскочила на обочину.

Когда это случилось, планшет экзаменатора вылетел из его рук. Он попытался поймать его и ударился лбом о приборную панель. И тут же завалил меня. Представляю его надутые щеки и измученное красное лицо и раздражаюсь смехом – Тесс присоединяется ко мне.

Мы впадаем в истерику, пока она не начинает икать, а я кричу:

– В боку колет.

– Спасибо, что поддержала меня, – произносит Тесс, икая. – Что бы я без тебя делала.

Киваю на женщину, выходящую из «7-Eleven» с глазированным пончиком.

– Наверное, умираешь от голода.

По пути к школе обедаемся липкими пончиками, запивая их двойным горячим шоколадом. Нам удастся приехать вовремя, вместе со второй волной учеников, что каждый день показываются прямо перед звонком.

– Рид знает про университет? – спрашивает Тесс, когда мы проходим в огромные двойные двери. – В смысле, ты на-

⁴ Сеть супермаркетов.

писала ему прошлым вечером?

Неодобрительно смотрю на нее искоса.

– И нарушить кодекс? Обижаешь.

Мы улыбаемся и одновременно произносим:

– Сначала лучшие друзья, потом парни.

Глава 2

Идеальный день

ПЕРВЫЕ ТРИ УРОКА проходят гладко. Учительница химии заболела. Она оставила на доске наше задание для замещающего учителя, но кто-то из вечных бездельников его стер. В печатном виде эти задания отсутствовали, поэтому нам было велено сидеть и читать учебник. В нашей школе это значит воткнуть наушники и слушать музыку или играть в игры на телефоне.

Когда я пришла на урок английского, наш учитель устроил внеплановую контрольную работу. У меня плохо выходит запоминать подробности тем, которые меня мало интересуют – взять, к примеру, «Превращение», отвратительную повесть про мужчину, который превращается в таракана. Но на сегодняшней контрольной я знала большую часть ответов.

Третий урок – всегда самая легкая часть дня, если не считать ланч. Наша учительница рисования, миссис Деган, убеждает нас поэкспериментировать и определить наши

творческие возможности. Она говорит, мы можем оказаться в одном мазке кистью от гениальности, как ее фамилия отличается от фамилии Дега⁵ всего одной буквой. Я весь урок работала над своим текущим гениальным произведением – автопортретом в стиле кубизм, на котором я похожа на фигурку Лего.

Письмо из университета, спрятанное в кармане – словно талисман удачи.

В кои-то веки я рада тому, что ем первый ланч – или завтрак, как большинство назвали бы трапезу в десять пятьдесят пять утра.

Отправляясь встретиться с Тесс во дворе, звоню Риду, но звонок тут же переключается на голосовую почту. Сбрасываю, не оставив сообщения. Если он ночью получил несколько сильных ударов, то еще рано. Он позвонит, когда проснется. Рид и нескольких часов продержаться не может, чтобы не позвонить или не написать мне сообщение.

Возможно, попрошу его сегодня пропустить вечеринку. Наши отношения пошли наперекосяк. И чтобы вновь войти в колею, нужно немного времени наедине.

* * *

Когда мы с Тесс приходим в кафе, там уже не протолк-

⁵ Эдгар Дега – французский живописец, один из виднейших и оригинальнейших представителей импрессионистского движения.

нуться. Выпускникам позволено обедать вне кампуса, и это место быстро стало нашим постоянным. Это огромный шаг вперед от ассортимента торгового автомата, к которому мы были привязаны в прошлом году, ведь есть загадочную еду в столовой мало кто отваживается.

Протискиваемся мимо людей, который ждут места у стойки.

Тесс показывает на кабинку в заднем углу.

– Люсия и Гвен нашли столик.

Они склонились над столом и разговаривают, лица скрываются за почти одинаковыми занавесами длинных каштановых кудряшек. Они одинакового роста и телосложения и с этого ракурса сошли бы за близняшек. Но на волосах их одинаковость заканчивается.

Люсия – афролатинка, с пуэрто-риканскими корнями, и из-за ее медно-коричневой кожи розоватый ирландский цвет лица Гвен кажется бледноватым. У Люсии природные кудри, тогда как Гвен завивает свои волосы странного вида плойкой.

Люсия решительная и прямолинейная, и ее цели для нее важнее парней.

Гвен всегда охотится за следующим парнем, а когда находит мистера На-Этот-Момент, то проводит с ним все свое время. Меня это бесит, потому что Гвен очень умна – и симпатична, – но она себя такой не видит.

Я задумываюсь и поворачиваюсь к Тесс.

– Знаешь, некоторые не видят ничего страшного в том, чтобы встречаться с придурками, потому что любые отношения – полезный опыт, – говорю я.

– Под «некоторыми», полагаю, ты имеешь в виду Гвен?

– Ты думаешь, это правда?

– Нет, – тут же отвечает Тесс. – Так говорят люди, которые встречаются с придурком, но не хотят уходить. Посмотри на мою маму. Один придурок – и вот ее жизнь разрушена.

Тесс имеет в виду своего отца.

Не уверена, что согласна с ее взглядом, но всецело понимаю ее. Когда мы подходим к столу, Гвен налетает на нас.

– И?..

Тесс садится возле Люсии, а я забираюсь к Гвен.

– Я ничего не получила, – говорит Тесс.

– Пока что, – поправляет Люсия, перекинув волосы через плечо.

Гвен отдергивает рукава широкой толстовки.

– Мне тоже не о чем сообщить.

– Я получила предложение из Стэнфордского, – говорит Люсия так, будто это какая-то ерунда. – Они предоставили мне частичную стипендию, но покрывают большую часть стоимости за обучение и спортивных расходов, поэтому родители могут себе это позволить.

Она преуменьшает, потому что не хочет, чтобы мы чувствовали себя неловко из-за ее поступления.

Тесс улыбается.

– Я очень рада за тебя.

– Только про нас не забудь, когда заведешь себе подруг из «Лиги плюща», – говорю я.

Люсия смеется.

– Ни за что. Я годами пытаюсь про вас забыть – не получается.

– Ты этого заслуживаешь. – Сминаю салфетку и кидаю ее в Люсию. – Пусть даже ты зануда.

– Только не поднимайте эту тему при Лоренцо, – предупреждает она. – Он ведет себя, как большой ребенок, потому что хотел, чтобы я поступила куда-то поближе к Политехническому университету Виргинии. Будто это возможно.

– Тебе следует быть к нему добрее, – говорит Гвен.

Люсия закидывает в рот картошку фри.

– Если это для него так важно, пусть найдет университет около Стэнфордского. – Показывает картошкой на меня. – Твоя очередь, Пейтон.

Играю с папиными жетонами.

– Я не получила стипендию... – Стараюсь изобразить спокойствие, но уголки рта подергиваются в улыбке. – Но один университет предложил мне раннее зачисление и место в женской футбольной команде.

Гвен барабанит ладонями по столу.

– Какой университет? Выкладывай!

– Университет Северной Каролины.

– Да ладно тебе? – кричит Люсия.

Парни из соседней кабинки смотрят на нас и усмеваются. Люсия поедает их взглядом.

– Вам здесь ничего не светит, – говорит она, показывая на нас. – Поэтому отвернитесь и занимайтесь своими делами.

Один из парней краснеет, а два других смеются, но они отворачиваются.

– Что сказал Рид, когда ты ему рассказала? – спрашивает Гвен. – Наверное, обрадовался, что это недалеко.

– Мы пока не говорили. Он работал допоздна, – небрежно отвечаю я. Только Тесс знает о подпольных боях. – Наверное, еще спит.

Гвен и Люсия переглядываются.

– Уже половина двенадцатого, – отмечает Гвен. – Наверное, хорошо спать весь день.

– Как будто ты никогда не спала дольше, – огрызается Тесс. – Он в буквальном смысле вернулся домой посреди ночи.

Тесс всегда первой бросается на защиту Рида. Имея отца-бездельника, который сбежал еще до того, как они пошли в школу, ее брат был вынужден уже в четырнадцать лет работать в тренажерном зале, чтобы помочь с оплатой счетов. После смены он приходил на футбол, чтобы посмотреть на игру Тесс.

Гвен сдает назад.

– Я ничего не имела в виду.

Тесс встает и берет рюкзак.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Мне нужно побыть одной.

– Не уходи, Тесс, – умоляет Гвен. – Извини. Я не знала, что твой брат работал допоздна.

– Теперь знаешь, – бросает Тесс, уходя.

Гвен опускает голову на стол.

– Почему я не промолчала?

– Она отойдет, – говорит Люсия. – Просто не будем ее трогать до тренировки.

Мне жаль Гвен, но следовало думать, что говорит. Никому не сойдет с рук критика Рида в присутствии Тесс. Даже мне.

Глава 3

Бомбардир

ПОСЛЕ УРОКОВ я первой появляюсь на поле для тренировки. Из-за письма хочется выйти и заслужить его. Стою в центре поля и перекидываю мяч с колена на колено. Здесь я больше всего чувствую себя как дома – самой собой.

Мне не больно, что футбол напоминает о папе. Это он научил меня играть, и я с первого удара по мячу полюбила этот вид спорта. Мама говорит, я спала бы с мячом, если бы она разрешила. Папа тоже мечтал стать профессионалом. Оказалось, он был гораздо лучшим морпехом, чем футболистом.

Потеряв его, я поняла, что мы не можем контролировать происходящее в жизни. У вселенной свои планы, и у нас нет права голоса.

Но футбол я всегда могла контролировать – не исход игры. Это не в моих силах. Но то, как я играю, и усилия, которые прикладываю – это мой выбор.

– Слышала, кого-то из команды приняли в университет

Северной Каролины. – Ко мне направляется тренер Ким с перекинутым через плечо мешком мячей. – Ты вкладывала все силы, Пейтон. Я горжусь тобой.

Отступаю и улыбаюсь.

– Спасибо. Я не была уверена, что получится.

Она тянет за шнурок на мешке, и мячи выпадают.

– Я была уверена за нас обеих.

– Ещё ничего не решено. Мне надо поддерживать оценки, и в конце сезона понадобится рекомендательное письмо от моего тренера.

– Это может стать проблемой.

– И придется тренироваться усерднее обычного, чтобы осенью «играть на моей текущей позиции». Это письмо похоже на контракт.

– Это стандартный язык. Количество мест в командах ограничено. И они должны знать, что предлагают места спортсменам, которые смогут удовлетворять их на протяжении девяти месяцев. – Она кидает мне мяч. – Поэтому разогревайся.

Следующей из раздевалки выходит Люсия.

– Ты всегда меня обходишь.

– Ну что сказать? Ты медлительна.

Она выдыхает.

– Неважно. Без меня бы ты столько побед не одержала.

– С этим не могу поспорить.

Мы с Люсией уже с четвертого класса играем за школьную

и сборную команды.

Она – самый лучший голкипер в лиге.

Направляю мяч в нижний правый угол ворот. Люсия не готова и чуть не пропускает его. Но бросается и отражает удар.

– Я почти забила.

– Потому что я не была готова, – выражает она неодобрение.

Из раздевалки выходят остальные члены команды, и тренер Ким пару минут собирает текущую информацию. Затем для разминки делит нас на две команды. Когда она свистит в свисток, исчезает все, кроме игры.

Веду мяч по полю и ищу возможности передать. Я – центральный нападающий, бомбардир, как и Алекс Морган. Моя задача – забивать голы и давать возможность забивать членам моей команды. Эта атакующая позиция требует не только футбольных навыков.

Слышу в голове папин голос. *«Бомбардир должен быть смелым и рисковать. Должен знать, когда сделать передачу, а когда забить гол. Некоторые голы могут показаться нереально сложными, но это не так. Иногда разница между победой и проигрышем – всего лишь забитый при первой возможности гол».*

– Пейтон! Слева, – кричит Аймани, другой нападающий моей команды.

Ко мне приближается Гвен. Люсия играет голкипером за

другую команду и остановит любой мяч ещё прежде, чем он попадёт в сетку. Нижний угол ворот – мой единственный шанс. Гвен дышит в спину и, пытаясь отобрать мяч, заводит ноги между моими.

– Пейтон, сюда! – Аймани поднимает руку, показывая мне, что открыта. Но она не видит за собой Тесс.

Мне кажется, сегодня все ещё идеальный день, а в идеальный день надо забивать гол. Пинаю неоновно-зелёный мяч, и он летит в левый нижний угол.

Люсия понимает, куда летит мяч, и бросается к нему. Но он пролетает мимо кончиков пальцев ее перчатки и ударяет в сетку. Девочки из моей команды кричат и хлопают в ладоши.

Люсии не часто удаётся забить, а если это происходит, то считается рекордом.

«Бомбардир должен знать, когда сделать передачу, а когда забить гол».

После тренировки проверяю телефон. Рид все ещё не звонил и не писал. Никогда не было такого, чтобы он за весь день не отправил мне ни единого сообщения. Беру рюкзак и, направляясь к машине, звоню Риду. Проходит шесть гудков.

Где он, черт побери?

Только я собираюсь сбросить, как он отвечает:

– Привет. Я как раз хотел тебе позвонить.

– В пять часов? Почему бы не подождать до завтра? Очевидно, ты занят, раз от тебя ни слуху ни духу весь день.

– Телефон сдох. Почему ты так злишься?

– Университеты отправили письма два дня назад.

На прошлой неделе мы с Тесс упоминали об этом раз двадцать.

– Правда? – спрашивает Рид, словно слышит об этом впервые.

– Правда? И это все, что ты скажешь?

Жду его ответа. На заднем плане голоса смешиваются со знакомым звуком штанг, ударяемых по резиновому полу зала. Кто-то задаёт Риду вопрос, но я ничего не понимаю.

– Рид?

– Секундочку, Пейтон. – Рид с кем-то общается. Я улавливаю лишь обрывки разговора. – Он рано... Все принёс? Иду... Дай мне пять минут.

Досчитаю до десяти и повешу трубку.

На шести Рид возвращается к нашему разговору.

– Извини. Тренирую нового парня. У него нет практики. Так значит, письма разослали? Волнуешься, что тебе не придёт?

– Уже пришло. – Все предвкушение сошло на нет. – И мой парень должен был об этом знать.

– Я же говорил, что телефон сдох.

Голос Рида становится резким.

– Поговорим позже.

– Не клади трубку. Я придунок. – Тон его голоса полностью изменился, и теперь он говорит ласково. – Извини. Ты сказала, что получила письмо. Откуда?

– Из университета Северной Каролины. Тренер хочет, чтобы я играла в женской футбольной команде.

Часть меня все ещё не может в это поверить.

– Я знал, что ты поступишь. – Кажется, он рад. – Вечером мне все расскажешь, и на вечеринке отметим. Встретимся у меня в девять. А меня ждёт парень, которого я тренирую. Мне пора.

– Рид...

– Увидимся в девять. Люблю тебя.

Он кладёт трубку, не дожидаясь от меня ответа.

* * *

Приехав к Риду несколько часов спустя, я все ещё злюсь и уж точно не в настроении для вечеринки. Когда иду к дому, на телефон приходит сообщение от Тесс. Она уже уехала на вечеринку с Люсией.

Звонил донор спермы. Полегче с Ридом.

Все, теперь никаких шансов на просветление в наших с Ридом отношениях. Донором спермы Тесс называет их отца. Он напивается и звонит раз-два в год, чтобы наброситься на кого-то из них – обычно на Рида.

Борец Рид «Машина» Майклс обязан своему отцу как минимум частью своего успеха на ринге – и в подпольных боях. Внутри Рида кипит накопленная за восемнадцать лет ярость, а звонки отца подливают масла в огонь. Мне сложно пред-

ставить, что он чувствует. У меня остались лишь хорошие воспоминания о моем папе, а у Рида о своём только ужасные.

Не спеша поднимаюсь к их квартире. Поговорить ли с Ридом насчёт этого звонка? Добравшись до третьего этажа, слышу доносящиеся из квартиры голоса. Один из них – Рид.

– Я, как и каждый месяц, отдал тебе все свои дополнительно заработанные деньги, – говорит он.

– Знаю, – отвечает его мама. – И мне жаль, что тебе приходится это делать.

– Ты уверена? – спрашивает Рид.

– Ты думаешь, мне нравится просить у тебя помощи? Мне меньше всего этого хочется. Но мне не хватает на оплату аренды.

– Я только что сказал, что у меня больше нет денег. Какого черта ты от меня хочешь?

Он так громко кричит, что я подпрыгиваю.

Ни разу не слышала, чтобы Рид кричал на маму или Тесс. Даже когда я с ним спорю, он всегда остаётся спокойным. Злится, но спокоен.

– Теперь ты заплачешь, чтобы я почувствовал себя дерьмом? – Сейчас Рид не кричит, но его голос напряжен. – Я сваливаю отсюда.

Отступаю от двери, когда она распаивается, а из квартиры вылетает Рид. И чуть не сталкивается со мной, но удерживает равновесие. Переведя взгляд с квартиры на меня, он как будто успокаивается.

– Сколько ты уже здесь стоишь?

– Несколько минут.

В горле так сухо, что я едва могу говорить.

Он на секунду закрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Не надо было этого делать. Дерьмо.

Дотрагиваюсь до его руки.

– Что произошло? Я никогда прежде не слышала, чтобы ты кричал на маму.

– Потому что этого не было. – Он отворачивается и начинает ходить по коридору. – Звонил мой никчемный папаша. Как обычно пьяный. Вылил на меня свое дерьмо, что мы разрушили его жизнь. Я сказал, что мы не могли разрушить его жизнь, ведь он никогда с нами не видится.

– Что он сказал?

– Не особо много. Разозлился и повесил трубку. – Глубоко вдыхает. – Тесс уехала на вечеринку, и мама вскоре после этого принялась жаловаться, что не может собрать денег на оплату аренды. Спросила, могу ли я взять дополнительные часы, когда я уже и так работаю из последних сил. Я просто сорвался. – Рид бросает взгляд на дверь, словно подумывает вернуться. – Пойдем отсюда.

– Уверен, что не хочешь извиниться перед мамой? Могу подождать здесь.

– Не сейчас. Ей нужно немного личного пространства. – Он берет меня за руку. – Я поведу.

Оглядываюсь на дверь квартиры, представив, как за ней

плачет миссис Майклс. Почему Рид не собирается извиниться?

Садимся в машину и несколько минут молчим. Чем ближе подъезжаем к месту проведения вечеринки, тем больше и богаче становятся дома.

Рид смотрит на меня.

– Извини, что сегодня не позвонил тебе раньше.

– Все нормально.

– Нет, не нормально. – Он тянется, потирает заднюю часть моей шеи и улыбается. – Ты поступила в университет Северной Каролины. Это серьезно. Я очень тобой горжусь.

Его настроение полностью изменилось, будто той сцены в квартире никогда не было.

– Спасибо.

Не знаю, как реагировать. В последнее время настроение Рида часто меняется, но я ни разу не видела, чтобы он так быстро приходил в себя.

– Как я и говорил, мы сегодня отметим.

Он сжимает мое плечо, и я выдавливаю из себя подобие улыбки.

– Если ты действительно хочешь отметить, давай поедem куда-нибудь. У меня нет настроения для вечеринки.

Рид хмурится.

– Мне хочется отвлечься, понимаешь?

– И ты не можешь сделать этого наедине со мной?

– Могу. Но иногда легче, когда вокруг тебя много че-

го происходит. Можем сходить куда-нибудь завтра вечером. Нормально?

Это не нормально. Нисколечко.

Но я не в настроении спорить.

– Конечно.

– Не злись. – Он сворачивает в Квейл Лэндинг, богатый район, где старшеклассники закатывают вечеринки и позволяют незнакомцам мусорить у них дома, пока родители отдыхают за городом.

– Я не злюсь, – вру я. Наш разговор на тему университета продлился в целом две минуты. Мой идеальный день больше не кажется мне идеальным.

Глава 4

Чёрная коробочка

ТОТ ФАКТ, что я попросила Рида провести время наедине, а мы оказались на вечеринке с пивом, кратко характеризует нынешнее состояние наших отношений.

– Уверена, что не хочешь выпить? – Рид кивает на стаканчик. – Это твой вечер. Надо выпить за твоё поступление.

– Но ты же не пьёшь, – говорю я. Рид никогда не пьёт накануне боя.

– Подниму тост этим.

Он поднимает банку с колой.

– Все нормально. Можем отпраздновать на следующей неделе в «Бурбон Стейк».

Это наш любимый ресторан в центре города. Мы забронировали столик за несколько недель, чтобы отметить мое поступление.

– Это на следующей неделе?

Я знаю, что за этим последует.

– Да. В четверг вечером. Приятно будет провести время наедине.

Он отставляет стакан и колу.

– Насчёт четверга. Я работаю допоздна. Но можешь взять другой вечер.

– Мы бронировали столик за несколько недель. Можешь пропустить один вечер в зале.

– Жаль, но не могу.

Он подводит меня. Снова.

– Забудь. Я больше никуда не хочу идти.

Я не стараюсь, чтобы Рид почувствовал себя виноватым и изменил своё расписание. Я этого добиваюсь.

– Я думал, ты сегодня будешь в хорошем настроении, – жалуется он.

– Оно и было хорошим, пока ты не кинул меня в десятый раз.

– Привет, парочка. – На кухню заходит Тесс, на ее щеках румянец, линия волос блестит от пота после танцев. Она убирает волосы в пучок и наблюдает за нами. – Что случилось?

– Ничего.

Скрещиваю руки на груди и смотрю на парня, который решил сыграть в пиво-понг из шести банок пива.

– Пейтон злится, потому что я хотел прийти на вечеринку, – отвечает Рид.

Он вообще следил за нашим разговором?

– Я *не* злюсь. – Но скоро буду.

– А выглядишь злой, – отмечает Тесс.

– Я раздражена, и это никак не связано с вечеринкой.

– Точно. – Рид громко выдыхает. – Пейтон злится, потому что я не могу пойти на ужин в четверг. У меня работа.

– Ты даже не помнил про наши планы.

Когда это я стала девушкой, которая выпрашивает внимания у парня? И как быстро от неё избавиться?

– Это все... – начинает он, но я перебиваю его.

– Я не хочу спорить. Это один дурацкий ужин. Он не так важен.

У Рида пиликает телефон, и он читает входящее сообщение.

– Секундочку.

Конечно. Почему бы нет? Это же никак не мешает нашему разговору.

Рид отходит от нас, сосредоточившись на сообщении. Не поднимая головы, показывает нам два пальца:

– Дайте мне две минуты.

– Скорее двадцать, – достаточно громко говорю я, чтобы услышал. Если вообще слушал.

Тесс подталкивает меня плечом.

– Знаю, Рид иногда ведёт себя как придурок, но сегодня не его вина. Он всегда немного бесится после звонков Донора Спермы.

Наверное, она права, но последние два месяца Тесс только и делает, что ищет оправдания брату.

– Дело не в том, любит он меня или нет. С ним что-то происходит, и телефонный звонок тут не виноват. Что-то изменилось. Он изменился.

Я не понимала, насколько, пока не услышала, как он кричал на маму.

Тесс смотрит в пол.

– Давай, озвучь это, – говорю ей.

– Может, дело не в Риде.

Как она может строить из себя дурочку? Я видела, как Тесс, когда он в таком настроении, ходит вокруг него на цыпочках, будто пересекает минное поле.

– Так ты считаешь, что проблема во мне?

Тесс качает головой.

– Нет. Я не так выразилась. Я имею в виду, что, возможно, это ваши отношения изменились. Ты расстроена, так как Рид все время в зале, но он должен тренироваться больше, если хочет участвовать в бою в среднем весе.

– Это он решил перейти в средний вес, – напоминаю ей.

– Знаю. Я пыталась его отговорить. Но он думает, у него больше шансов участвовать в Абсолютном бойцовском чемпионате в среднем весе.

– Дело не только в этом.

Мы что-то упускаем. Прислоняюсь к стене и смотрю, как к пивному бочонку подходит следующий участник.

Не так я представляла себе празднование своей важной новости. Тянусь к телефону проверить время, думая, не

слишком ли рано поехать домой. Но не нахожу его в кармане. В нем лишь бальзам для губ, ключи от дома и от машины Рида. Боже упаси, чтобы Рид носил с собой что-то еще, кроме телефона. Охлопываю куртку.

– Я потеряла телефон.

– Наверное, в машине, как и последние три раза. Мне надо в туалет, а потом я помогу тебе его найти.

Очередь в туалет насчитывает шесть человек. Я не могу ждать так долго.

– На нем все мои голосовые сообщения.

Тесс знает, что под всеми я имею в виду одно – последнее сообщение от папы. Вот почему полтора года я хожу с одним и тем же телефоном, хотя он едва держит зарядку.

– Готова поспорить, он в машине, – говорит она. – Не волнуйся.

– Я просто сбегая и проверю.

Выхожу через заднюю дверь.

Вниз по холму и до улицы тянется каменная подпорная стена. Она отделяет мощеную дорожку от длинной подъездной дорожки. Спеша к ступенькам в конце дорожки, ведущим к улице, провожу рукой по неровному камню стены.

Рид припарковал машину напротив ступенек, и приходится повозиться, чтобы ее открыть. Ищу телефон на переднем сиденье и в зазорах центральной консоли.

Ничего.

Думай. Восстанови в памяти все свои действия.

Когда мы сели в машину, я кинула куртку на заднее сиденье. Телефон мог выпасть из кармана. Пролезаю между передними сиденьями и ищу на ощупь.

Ну же. Пожалуйста, будь здесь.

А если его здесь нет?

В груди все сжимается. Я не могу потерять папино сообщение.

В машине Рида полно всякого хлама – бинты для рук, боксерские груши, потные футболки и пустые бутылки из-под энергетических напитков. Его пахучая сумка из зала лежит открытой на полу. Роюсь в ней, пока пальцы не натываются на что-то прямоугольное и гладкое.

Коробка.

Достаю ее из сумки, ожидая увидеть пластмассовую коробочку вроде тех, что Рид использует в качестве аптечки.

Но это блестящая черная коробка из картона, похожая на подарочную.

Но если это подарок...

Рид не делает сюрпризов и считает подарки пустой тратой денег. Единственный подарок за семь месяцев наших отношений я получила в свой день рождения. А у Тесс и миссис Майклс в ближайшее время нет дней рождения.

Меня начинает тошнить.

Все время, что он проводил в зале... Что, если Рид бывал там не каждый вечер?

Между нами все не так гладко, и мне не нравится его ны-

нешнее поведение, но я бы никогда не изменила ему. Это не значит, что и он бы не изменил.

Рассматриваю коробку поближе. На ней нет никакого названия магазина или логотипа, да и размер странный – слишком большая для браслета и слишком глубокая для ожерелья. Может, часы?

Открываю крышку.

Сначала я не понимаю, на что смотрю – небольшие стеклянные бутылочки и сложенный листок бумаги? Затем поднимаю листок и вижу рядом с бутылочками узкие предметы.

Шприцы.

Руки трясутся, и бутылочки позвякивают. Многие спортсмены моего уровня знают о допинге. Допинг дает спортсменам преимущество. Силу, скорость или выносливость – результаты зависят от препарата. Включаю освещение в машине и рассматриваю этикетки.

Рид выбрал стероиды.

Я не могу осмыслить это, хоть и смотрю на доказательства. Списку побед Рида позавидовало бы большинство бойцов-любителей. Зачем ему рисковать будущим в спорте, который он так любит?

И своей жизнью?

Почему я не замечала признаков?

Его вспыльчивость и непредсказуемая смена настроения. Подпольные бои.

Как он накричал на маму.

Даже дыра в стене его квартиры размером с кулак. Представив ее себе сейчас, я понимаю, почему она показалась мне странной. Слишком высоко для дверной ручки.

С тех пор как Рид начал заниматься подпольными боями, многое не имело смысла.

Я должна была догадаться, что происходит. Почему я не сложила два и два?

Хватит с меня размышлений.

Рид сложит два и два за меня.

Закрываю коробку и засовываю ее в огромный карман папиной куртки, затем выбираюсь из машины. На земле возле бордюра что-то блестит.

Мой телефон.

На экране горит сообщение от Рида.

ты где?

Засовываю телефон в карман и иду обратно к дому, испытывая терзания.

А когда поднимаю голову, на верху каменных ступенек стоит Рид и, вытянув шею, осматривает двор. Он замечает меня и ждет, когда я с ним поравняюсь.

– Эй. Я вышел найти тебя, – говорит он, когда я поднимаюсь по ступенькам. – Тесс сказала, ты пошла к машине.

Он улыбается.

Я – нет.

Осматриваюсь. Не хочется вести этот разговор при свидетелях, но рядом никого нет. Лишь стена, отделяющая лест-

ницу от подъездной дорожки, да высокие изгороди, закрывающие обзор.

Рид пытается меня обнять, но я прохожу мимо него.

– Ты все еще злишься на меня из-за этого ужина в четверг? – спрашивает он.

– Нам нужно поговорить. – Я не готова к разговору. Это как стоять на краю бассейна и знать, что вода ледяная. Просто надо прыгнуть. – Я кое-что нашла в твоей машине, когда искала телефон.

Засовываю руку в карман куртки. Рид бледнеет, когда видит коробку. Я держу ее между нами, подавляя порыв швырнуть ее в него.

– Это не мое.

Машу коробочкой перед ним.

– Это было в твоей сумке.

– Ти Джей просил ее куда-нибудь положить. – Рид смотрит куда угодно, только не на меня. – Это его.

– Если собираешься врать, то смотри в глаза человеку, когда это делаешь.

– Я не...

– Не принимай меня за дуру. Расскажи правду, или я уйду и больше никогда не стану с тобой разговаривать. – Он открывает рот, чтобы что-то сказать, и я показываю на него пальцем. – Никогда.

Начинаю расхаживать вдоль стены, играя с жетонами. Возможно, если не останавливаться, эта дерьмовая реаль-

ность не догонит меня.

Рид оглядывается, проверяя, чтобы никого не было.

– Я могу объяснить.

Это действительно происходит.

– Мне надо быстро набрать мышечную массу. Парень, с которым я дерусь через несколько недель, превосходит меня по весу на шесть килограммов. Я собирался прекратить после боя. Но мне нужна эта победа, чтобы попасть в предстоящие турниры, если хочу участвовать в более серьезных боях. – Он говорит быстро и умоляет меня своими большими голубыми глазами. – А если Тесс не получит стипендию? Ей понадобятся деньги на обучение. Если не привлеку внимание и не заполучу спонсора, то не смогу ей помочь.

– Не втягивай сюда Тесс. Если тебя поймают, то снимут с боев. Как это ей поможет?

– Никто не узнает.

Он говорит так спокойно, будто я поймала его с пивом.

– Серьезно? А если тебя проверят?

В прошлом году на региональном чемпионате одного борца уличили в употреблении допинга, и лига теперь проводит выборочные проверки.

– На этом уровне никогда не проверяют, только если борца сдадут или его поймают на месте. А я веду себя осторожно.

Резко выдыхаю.

– Ну, это все меняет. Я и не знала, насколько тщательно

ты продумал свое жульничество и накачивание тела ядом. Теперь мне намно-о-о-о-го легче.

У него заходили желваки на лице.

– Это не совсем жульничество. Я все еще должен одержать победу на ринге.

– Продолжай себя в этом убеждать. – Прижимаю коробку к его груди. – Забери. Ни секунды больше не хочу к этому прикасаться.

Рид засовывает коробку в карман куртки, словно я тут же о ней забуду, как только она исчезнет из виду.

– Ты врал мне... сколько, Рид? Два месяца? Или дольше?

– Я же сказал, что перестану принимать.

– Когда?

Он трет лицо.

– Скоро.

Я думала, он скажет «сейчас» и будет умолять меня простить его – или помочь ему.

– Не годится.

– И какого черта это должно означать?

– Это значит, что ты должен сделать выбор. Я или допинг.

Наблюдаю за ним и жду, когда он сделает правильный выбор. Жду, что он выберет меня. Но чем дольше он молчит, тем сильнее разбивается мое сердце. Что произошло с парнем, который каждый день приносил мне картофельное пюре, когда мне вырвали зуб мудрости? С парнем, которому я отдавала всю себя?

Это не важно.

Его больше нет.

– Мне нужно еще немного времени, – говорит он.

– Ты сделал свой выбор. Между нами все кончено.

Эти слова приносят много боли, хотя произношу их именно я.

Он прижимает ладони к вискам.

– Хорошо. Тебе слишком сложно это принять. Но не выкидывай последние семь месяцев.

Тыкаю пальцем в его грудь.

– Это ты их выкинул.

– Пара месяцев. Мне больше не нужно. После предстоящих турниров я перестану принимать. Клянусь.

Минуту назад он говорил о нескольких неделях. А теперь пара месяцев?

– Не нужно мне ничего обещать, Рид. Этим отношениям конец. Мне не нужен парень, который выбирает наркотики вместо меня.

Кровь отливает от его лица.

– Ты злишься, и тебе нужно время подумать, – говорит он спокойным голосом, каким общается со мной после проигрыша в футбольной игре. – Поговорим, когда ты успокоишься. Я отвезу тебя домой.

– Нам больше не о чем разговаривать. Меня подвезет Люсия.

Пытаюсь его обойти, но Рид встает передо мной.

– Ты бежишь от меня?

Меня злит такой его вывод.

– Бегу? Да я иду медленно. У тебя паранойя. Эта дрянь поганит тебе мозг. И я ни от кого не бегу. Я уйду, потому что нам больше не о чем разговаривать.

Он взрывается.

– Почему ты ведешь себя, как конченная стерва?

Он только что назвал меня стервой?

– Что, прости? Ты с кем разговариваешь? Я не одна из твоих фанаток, что умоляют тебя перепихнуться с ними, пока ты весь потный после боя.

– Я разговариваю с тобой, как со своей девушкой, которая не дает мне шанса.

Вены на его шее вздуваются.

– Я больше не твоя девушка.

Он ошетиливается еще больше.

– Прекрати так говорить. Мы не расстаемся.

– Даже если бы ты мне не врал – а это было, – думаешь, я смогла бы просто наблюдать, как ты себя травишь? Я забочусь о тебе.

– Заботишься обо мне? – Он отстраняется, будто я дала ему пощечину. – Ты должна меня любить, а не заботиться обо мне. Или это было полной чушью?

– Это образное выражение. Держи себя в руках.

Но он не может. Я это вижу.

– Этот разговор ни к чему не приведет.

Пытаюсь уйти, но Рид хватается меня за руку.

– Мы можем уйти вместе.

– Нас больше нет.

– Пейтон, ты не можешь расстаться со мной из-за этого. –

Его голос дрожит. – Ты нужна мне.

– Извини. – В моем горле образуется ком. Поворачиваюсь к дорожке, ведущей к дому. Вижу ее за его плечом. Но Рид тянет меня за руку. – Отпусти.

– Нет, пока ты не скажешь, что мы со всем разберемся. Что ты любишь меня и мы все еще вместе, – умоляет он.

– Не могу. – Пытаюсь вырваться, в этот раз сильнее. Хватка Рида усиливается, пальцы впиваются в кожу.

– Я больше не играю в детские игры, Рид. Отпусти меня.

Дергаю руку, и он притягивает меня к себе с такой силой, что я ударяюсь об его грудь. Он отпускает мою руку, но я не могу обойти его. Он слишком близко.

Его ноздри раздуваются, он быстро дышит.

– Вчера ты меня целовала. А теперь не хочешь, чтобы я к тебе прикасался?

Он толкает меня в плечо, и я отступаю на несколько шагов.

– А теперь ты меня толкаешь? Я так не думаю.

Пытаюсь проскользнуть мимо него, но, куда бы я ни пошла, он мешает мне пройти.

– Пейтон, ты разбиваешь мне сердце. Ты же знаешь это? И тебе на это плевать?

Он снова меня толкает, в этот раз сильнее. Оглядываюсь. За моей спиной ступеньки.

– Прекрати! Здесь лестница!

Осматриваюсь в поисках помощи, но из-за изгородей ничего не видно.

– После семи месяцев отношений тебе больше нечего сказать?

Рид поджимает губы.

Краем глаза вижу, как двигается рука Рида. Направляется ко мне. Его ладонь упирается в мою грудь и выбивает из меня воздух.

Земля как будто уходит из-под моих ног, и я валюсь назад. Размахиваю руками, стараясь восстановить равновесие. Но слишком поздно.

Я уже падаю. Внутри все сжимается. Непонятно, где верх, а где низ.

Цвета размываются, а звуки смешиваются.

Сначала на ступеньку приземляется мое плечо, принимая на себя часть столкновения. Хватаюсь за стену, но ни за что не могу уцепиться. Последние ступеньки я отчасти качусь, отчасти перескакиваю. Вижу землю иставляю перед собой руки, чтобы смягчить падение. Но колено врезается в землю.

Коленная чашечка ударяется о бетон.

Заднюю часть колена парализует от боли, которая поднимается вверх по ноге. Крик раздирает мое горло, и мне уда-

ется перекатиться на бок.

Рид стоит наверху лестницы, скрестив руки. Он становится то размытым, то четким. Моргаю, и мне удастся сфокусировать взгляд.

Впервые за все время не вижу в глазах Рида нежности, когда он смотрит на меня. В них ярость.

Пытаюсь переварить произошедшее, но мысли сбились в одну кучу. Мне хочется лишь убраться подальше от него. Переношу вес, чтобы сдвинуться с места. По всей ноге за коленом простреливает боль. Я вскрикиваю, но голос звучит странно, словно принадлежит кому-то другому. Словно это не я валяюсь у основания лестницы и смотрю на человека, который меня толкнул.

– Ты в порядке? – кто-то кричит.

Поворачиваю голову и вижу, что ко мне бегут двое. И тогда-то понимаю, что лежу на тротуаре, где заканчивается лестница. Стена закончилась, и меня теперь все видят.

– Девушка упала с лестницы, – кто-то кричит.

Боль снова пронзает заднюю часть колена. Меня окружают незнакомцы. По крайней мере, я не наедине с Ридом.

Он торопится спуститься, разыгрывая обеспокоенного парня.

Если этот придурок приблизится ко мне...

– Пейтон? О господи! – Это Тесс.

Теперь все будет хорошо.

Тесс подбегает и встает возле меня на колени. Откидывает

волосы с моих глаз.

– Что случилось?

– Мы ругались, – произносит Рид. Ярость исчезла. Теперь он паникует. – Пейтон попыталась протиснуться мимо меня и, наверное, потеряла равновесие.

Слова валятся на меня, словно кирпичи.

– Я хотел схватить ее за руку, но не успел.

Рид делает паузу, как будто не может произнести следующие слова.

– И она упала.

Глава 5

Сломленная

СНАЧАЛА СЛОВА его мне непонятны.

Я смотрю на Тесс.

– Я не падала. Рид меня толкнул.

Тесс с секунду смотрит на меня, словно неправильно слышала.

– Пейтон, все было совсем не так, – спокойно говорит Рид.

Он присаживается возле меня, и я отшатываюсь.

– Отойди от меня!

– Пейтон? Что с тобой не так? – Голос Тесс дрожит. – Рид никогда тебя не обидит.

– Ты потеряла равновесие, – терпеливо говорит Рид.

– Ты имеешь в виду, после того, как ты меня толкнул?

Тесс переводит взгляд с Рида на меня.

– Может, тебе так показалось, или... – Она смотрит на столпившихся вокруг нас и сжимает губы, ясно давая понять, что не хочет выносить сор из избы.

Заднюю часть колена снова пронзает боль, и я задерживаю дыхание, пока она не уходит.

О господи. Должно быть, все серьезно, раз так болит. Как играть в футбол, если я не могу согнуть колено?

Мои мысли несутся вскачь.

Вперед проталкиваются Люсия и Гвен. Они присаживаются рядом, между Ридом и мной – сами того не осознавая, служат буфером.

Тесс достает телефон.

– Надо вызвать «Скорую».

– Нет! Просто отвезите меня в приемное.

Надо проверить колено. Все тело болит, но я пытаюсь приподняться, опираясь на локти. Заднюю часть ноги снова пронзает боль, и я резко втягиваю воздух.

– Думаю, тебе не надо двигаться, – говорит Рид. – Что, если ты повредила себе спину?

– Да мне плевать, что ты думаешь! – кричу я. Друзья и собравшиеся вокруг нас приходят в замешательство.

Тесса и Люсия поддерживают меня за спину и помогают сесть. Поврежденная нога вытянута вперед, но я не могу сдвинуть ее даже на сантиметр, ведь тогда все тело охватывает боль. Не уверена, что смогу стоять.

И уйти тоже не смогу.

– Рид, придется донести ее до машины, – говорит Тесс.

Он смотрит на меня, и я взрываюсь.

– Даже не думай ко мне прикасаться.

Рид потирает затылок.

– Прекрати, Пейтон. Не делай этого. Позволь мне отнести тебя, чтобы добраться до приемного.

Игнорирую его и поворачиваюсь к Тесс:

– Найди кого-нибудь еще. Кого угодно.

Она выглядит обиженной, будто я говорю про нее.

– Я позову Лоренцо, – предлагает Люсия.

Киваю и стискиваю зубы из-за боли. Задняя часть колена напоминает мне эластичную резинку, которую слишком сильно натянули, даже самые незначительные движения похожи на вонзающиеся в ногу иглы.

– Ты в порядке? – Тесс сжимает мою руку.

– Просто больно, – выдавливаю я. И я до смерти напугана. Что, если это повреждение крестообразной связки? Или перелом?

Что, если это необратимое повреждение?

Тесс поворачивается к Риду.

– Я не понимаю, что произошло. Вы ругались из-за того, что ты много работаешь?

Его взгляд устремляется на меня.

– Давай, Рид. Расскажи ей.

Он смотрит на Тесс.

– Это просто недоразумение.

– Ты – лживый придурок. – Меня тошнит от одного его вида. Смотрю на Тесс. – Он употребляет допинг. Во время поиска телефона в машине я нашла записку в его спортивной

сумке.

– Я же сказал, что это не мое, – говорит он.

– А потом признался, что твое.

– Нет. – Он остается спокойным. – Это ты продолжала твердить, что это мое.

Тесс поднимает руку, перебивая нас обоих.

– Тогда чье это?

– Моего друга. – Рид бросает взгляд на Ти Джея. – Парня из моей команды.

– Задумайся, Тесс, – умоляю я. – Смены настроения и вспышки гнева, уличные бои... это все из-за допинга.

– Пожалуйста, не делай этого, Пейтон, – шепчет Рид достаточно громко, чтобы Тесс услышала. – Я знаю, ты считаешь, что это мои наркотики, но это не так.

Нижняя губа Тесс дрожит, и ее взгляд перемещается между братом и мной. Она отводит от меня руку, давая понять, что верит Риду.

Мои глаза горят, и я смаргиваю слезы. Одна из них катится по щеке.

К счастью, сквозь толпу пробираются Люсия и Лоренцо. Он склоняется надо мной, Люсия встает за ним.

– Тебе очень больно? – спрашивает он достаточно громко, чтобы все услышали.

Все хотя бы подумают, что я на грани слез из-за колена, а не из-за предательства своей лучшей подруги. Шмыгаю носом.

– Чувствую себя паршиво.

Люсия сжимает его плечо.

– Давай отвезем ее в больницу, милый.

– Принято. – Лоренцо аккуратно поднимает меня, но даже незначительное движение вызывает боль в колене. Рид спешит к своей машине и открывает пассажирскую дверь, точно думает, что это он меня повезет.

– Я никуда не поеду с ним, – сообщаю Лоренцо.

Рид слышит меня и встает на тротуар, плечи опадают. Он не производит впечатление парня, который столкнулся бы со своей девушкой с лестницы. Но он именно такой, хотя это вижу лишь я.

Окружающая нас толпа начинает шептаться. Лоренцо останавливается и не знает, что делать и куда меня нести.

Вмешивается Люсия:

– Тесс, почему бы тебе не сесть за руль машины Рида? Он может доехать до приемного с Лоренцо и со мной.

Рид кивает Тесс, как будто ей нужно его разрешение.

– Ключи у Пейтон.

Я достаю их из кармана и передаю Лоренцо.

Не хочу, чтобы Рид ехал в приемное. Больше никогда не хочу его видеть. Как он мог так со мной поступить? В голове все продолжает всплывать одна и та же мысль.

Что, если это необратимое повреждение?

Лоренцо помогает мне устроиться в машине, и я от боли стискиваю зубы.

– Мы припарковались на другой стороне дома, поэтому задержимся на несколько минут, – говорит Люсия.

– Кто-нибудь может позвонить моей маме? – спрашиваю я.

– Я.

Тесс вынимает свой телефон и оббегает машину к водительскому сиденью. А когда садится, я прислушиваюсь к ее разговору.

– Она в порядке, – говорит Тесс маме.

Нет, не в порядке.

– В смысле, она повредила колено. Но в остальном в порядке. Эм... Она упала с лестницы.

– Я не падала, – бормочу я.

Почему она мне не верит?

– Мы сейчас в машине. Она прямо здесь. Секундочку. – Тесс пытается передать мне телефон. – Твоя мама хочет с тобой поговорить.

Если поговорю с мамой, то разревусь, а мне надо держать себя в руках, пока не доберусь до приемного.

– Я в порядке, мам, – кричу я достаточно громко, чтобы она меня услышала. – Просто хочу поехать в больницу.

Тесс возвращается к разговору.

– Твоя мама говорит, что едет.

Боль от падения наконец догнала меня, и все мое тело болит. Веки кажутся тяжелыми, но я стараюсь не закрывать глаза. Не позволю себе расслабиться, пока у машины стоит

Рид.

Когда мы отъезжаем, я облегченно выдыхаю, толпа в заднем стекле становится все меньше и меньше. Рид стоит перед всеми и все это время наблюдает за мной.

Я многое хочу сказать Тесс, но нет сил.

Просто на минутку закрою глаза.

Чувствую призрака руки Рида на моей и последний толчок, и мое тело дергается. Адреналин взмывает ввысь, затем снова сходит на нет, как во время сна после работы много ночей напролет.

– Приемное всего в пяти минутах езды, – сообщает Тесс, крепко сжимая руль.

– Он толкнул меня, Тесс, клянусь.

Она смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Возможно, тебе так показалось, потому что ты на него наткнулась, а он попытался тебя схватить. Могло сойти за толчок.

– Но все произошло не так.

– Рид никогда бы тебя не обидел. Он заботится о тебе больше, чем о себе.

Как достучаться до нее?

Критика Рида не помогает, поэтому пробую другой подход.

– Я знаю разницу между тем, когда кто-то меня толкает, и тем, когда пытается схватить меня за руку. Это был толчок. Рид вышел из себя и пришел в ярость.

– Допинг был не его, – твердо говорит она.

– Тесс, все указывает на это...

Она перебивает меня:

– Он такой вредный и импульсивный, потому что устает.

Тренируется по девять часов в день, семь дней в неделю. А потом еще четыре-пять часов тренирует других борцов, чтобы мы могли позволить себе еду и электричество.

Мне никак не удастся заставить ее мне поверить.

Тесс заезжает на подъездную дорожку больницы и останавливается у стеклянной двери приемного покоя. Не глушит машину и выбегает.

– Сейчас вернусь.

Когда я остаюсь одна, меня охватывает паника. Некоторая часть шока после толчка Рида выветрилась, и теперь я думаю лишь о своем колене.

Что, если я больше не смогу играть в футбол? Серьезное повреждение положит конец моей карьере еще до того, как она начнется. Время от времени о таком рассказывают по новостям. Спортсмен из старшей школы ломает колено или локоть в выпускном классе, и игра закончена. Чем еще мне заниматься, если футбол больше не вариант?

Ничем. Ничем не буду заниматься.

Стать профессионалом было моей мечтой, сколько я себя помню.

Сложенное письмо о зачислении все еще лежит в заднем кармане. У меня нет плана Б.

Тесс возвращается с двумя медсестрами, и они втроем помогают мне выбраться из машины и сесть в кресло-каталку. Медсестра провозит меня сквозь двойные двери, ведущие к смотровой, где вдоль стены стоят кровати, разделенные занавесками. Когда меня перекладывают на кровать, Тесс садится рядом, а медсестра записывает мою личную информацию.

– Вы можете сказать, где болит, и описать боль? – спрашивает она.

– У меня стреляющие боли, но еще какое-то странное тянущее ощущение. Это плохо? – спрашиваю я.

– Я не доктор, милая. Но не волнуйся. Это отличная больница. – Медсестра заполняет бланк на планшете. – Как вы оцениваете свою боль по шкале от одного до десяти? Один – боли нет, а десять – невыносимая боль.

– Если не двигать коленом, то около пяти. Но если его согнуть, то выстреливает боль до восьми или девяти.

Скорее, даже десяти.

Стараюсь храбриться. Наверное, десятка для тех, кто пережил автокатастрофу, а не свалился с лестницы. Но если медсестра попросит оценить, насколько я сейчас напугана, то это двенадцать.

– Как вы повредили колено? – спрашивает медсестра.

Если я скажу, что это Рид меня толкнул, его могут арестовать. Не касайся все это Тесс, я бы уже вызвала полицию.

Но миссис Майклс не может сама содержать себя и Тесс.

Она пыталась прежде, и все прошло не очень хорошо. Кажется, что они каждый год переезжали в другую замызганную квартирку. Когда у миссис Майклс закончились друзья, у которых можно переночевать, Рид начал работать дополнительно, чтобы помочь ей.

– Я упала с лестницы, – отвечаю я.

– Вы обо что-то ударились коленом? – Она записывает.

– Коленная чашечка ударилась о землю.

– О тротуар, – добавляет Тесс, заламывая руки.

Медсестра заканчивает писать.

– Доктор придет и осмотрит вас. Кому-нибудь надо позвонить?

– Я уже поговорила с ее мамой, – говорит Тесс. – Она в пути.

– Через несколько минут приду вас проверить.

Медсестра задергивает занавеску, и мы с Тесс остаемся наедине.

– Спасибо, что ничего не рассказала, – говорит она.

– Знаю, что ты мне не веришь, но я говорю правду.

Тесс прижимает руки к вискам, будто сражается с сильнейшей головной болью.

– Не знаю, что ты хочешь от меня услышать. Ты моя лучшая подруга. Я хочу тебе верить. Но мы ведем разговор о Риде. Он мой брат. Он бы мне не соврал. И он тебя любит. Он никогда бы тебя не обидел.

До сегодняшнего вечера я думала то же самое.

– Знаю, что ты хочешь верить ему, но он признался, что это его допинг. Именно из-за этого мы ругались перед тем, как он...

– Это непонимание. – Тесс начинает разговаривать резким тоном. – Это единственное объяснение.

Не единственное.

Не успевает спор перерасти в нечто большее, как слышу за занавеской маму, которая спрашивает про меня.

– Я ищу свою дочь, Пейтон Риос.

– Мам? – зову ее.

Через мгновение она отдергивает ткань и, подбежав ко мне, заключает в объятия.

– Слава Богу, ты в порядке. Что случилось?

Мама выпрямляется и переводит взгляд с меня на Тесс.

– Пойду в комнату ожидания. – Тесс пытается раздвинуть занавеску, но не может найти выход, поэтому ей приходится обойти маму, чтобы добраться до другой стороны. В обычной ситуации Тесс обняла бы ее, но не сегодня.

Мама берет меня за руку.

– Что происходит?

Я стараюсь сдерживать слезы.

– Мы были на вечеринке, и я пошла к машине Рида, чтобы найти телефон. Но нашла кое-что другое.

– Что? – Мама наклоняется ближе, и ее темные волосы падают вперед.

– Мам, он употребляет допинг. Я нашла стероиды в его

спортивной сумке.

– Не понимаю. И как это связано с твоим коленом? – Как только мама задает этот вопрос, в ее глазах мелькает понимание. – Что случилось с твоим коленом? – Она произносит каждое слово медленно, подчеркивая их значение. – Тесс сказала, ты упала с лестницы.

– Это так. – Киваю, и по моей щеке течет слеза. – Рид меня толкнул.

Мама прищуривается.

– Это сделал Рид? – Выражение ее лица становится каменным, как у жены разведчика морской пехоты. – Я сейчас вернусь.

– Мам не надо! – Пытаюсь приподняться на кровати. – Мам!

Она проносится мимо других кроватей и проходит через автоматические двери, ведущие к комнате ожиданий. Я начинаю паниковать. Что, если она сделает что-то глупое, и Рид разозлится и ее тоже обидит?

В мыслях всплывает картинка, когда она стояла у окна в одной лишь ночной сорочке.

Мне было восемь или девять. Папы не было, и мама кого-то слышала снаружи. Она сказала мне спрятаться под кровать, и я подчинилась минуты на две, но потом поспешила вниз посмотреть. Она стояла у эркерного окна нашей гостиной с битой на плече и телефоном в руке. Она позвонила 911, и приехала полиция. Ничего не случилось, но той но-

чью, наблюдая за ней, я поняла – если бы на улице кто-то был, мама бы нас защитила.

Смотрю на двери, ведущие в коридор, и жду, когда вернется мама. Но вместо нее заходят Люсия и Гвен.

– Сюда, – машу им.

Обе выглядят напуганными.

– Что там происходит? – спрашиваю я.

Гвен присаживается на край кровати и кусает ногти.

– Твоя мама только что обматерила Рида.

– Она выгнала его из приемного. – Люсия впечатлена. – Сказала ему валить из больницы, не то она переедет его на машине.

Глубоко вдыхаю. Мама молодец, но хотелось бы, чтобы Тесс не становилась свидетельницей маминого гнева.

– И что Рид сделал?

– Он продолжал извиняться и говорить, что это – большое недоразумение и что он любит тебя, – отвечает Гвен.

Люсия садится на стул возле кровати.

– А твоя мама продолжала говорить ему заткнуться и убираться вон с ее глаз. Еще она несколько раз сказала ему гореть в аду.

Я видела маму в действии. Легко представить, как она нападает на Рида.

– Что насчет Тесс?

– Она ушла с Ридом. В смысле, должна была. Он же ее брат. – Гвен вертит в руках пульт от кровати. Нажимает

кнопку, и кровать начинает подниматься, как кресло в парикмахерской. – Извини.

– Прекрати играть с этой штукой, – ругается Люсия.

Гвен неодобрительно смотрит на нее.

– Не указывай мне.

– Где теперь моя мама? – спрашиваю я.

– Разговаривает с охраной, чтобы они не пускали Рида, – отвечает Люсия. Она смотрит на Гвен, которая тут же переводит взгляд на меня. Но затем спохватывается и оглядывается.

– Очень тактично. Кто хочет рассказать мне, что еще происходит? – Мой голос надламывается. – Потому что ночка у меня дерьмовая.

Люсия тихонько ругается на испанском.

– Мы не хотим, чтобы ты чувствовала себя еще хуже, но я должна спросить... Что действительно произошло между тобой и Ридом?

Откидываюсь на подушки и смотрю в потолок.

– Вы мне тоже не верите.

– Я такого не говорила. – Люсия смотрит мне в глаза. – Но после падения тебе было так больно, и ты была расстроена. Я...

– Ты имеешь в виду, мы, – перебивает ее Гвен.

Люсия сердито смотрит на нее.

– Мы хотим услышать это от тебя.

– Рид толкнул меня с лестницы. Что-то еще хотите знать?

– Типа, прямо толкнул? Специально? – спрашивает Гвен.

– Да. – Рассматриваю их лица, пытаюсь понять, поверили ли они мне. Никогда не думала, что мои друзья будут сомневаться в таких серьезных вещах.

Гвен качает головой.

– Это нелогично. До того, как вышла твоя мама, Рид все говорил, как волнуется за тебя и как сильно любит. Это не казалось игрой.

– Возможно, Рид верит в свои слова, но это не меняет того, что он врет.

Люсия кивает. Это значит, она мне верит?

За спиной Гвен, в прорезь между занавесками, вижу маму. Она идет к нам, и я не успеваю спросить.

– Нам пора уйти и дать тебе поговорить с мамой, – говорит Люсия. – С тобой все будет хорошо.

Гвен молчит. Просто машет, а потом они уходят.

Мама закрывает занавеску.

– Что ты сделала? – спрашиваю я.

– Избавилась от этого ублюдка и сказала ему, чтобы держался от тебя подальше.

– Но там была Тесс.

Мама присаживается на краешек кровати и потирает мою руку.

– Хотелось бы, что все прошло не так, но я не могла позволить этому парню сидеть в комнате ожиданий после того, что он сделал с тобой.

– Тесс не верит, что он меня толкнул. Не уверена, что кто-то из моих друзей вообще верит. Все думают, что я ошиблась – что мы друг друга не поняли. Но ты мне веришь? Верно?

Она подается вперед и обхватывает мое лицо ладонями.

– Ты – моя дочь. Я всегда буду тебе верить. А еще я знаю, что, если бы у тебя возникли сомнения насчет произошедшего сегодня, ты бы призналась в этом. Ты рациональная и здравомыслящая, как твой отец. И у тебя идеальное чутье.

– Если мое чутье такое идеальное, тогда как же я оказалась здесь?

Глава 6

Девушка-робот

МОЯ ЖИЗНЬ ДЕЛИТСЯ на два временных периода – до того, как Рид столкнул меня с лестницы, и после. Меньше чем за сутки я превратилась из ведущего игрока женской футбольной команды, с любящим парнем и путевкой в университет Северной Каролины в раненого спортсмена с поврежденным коленом – и все благодаря предпочитающему стероиды бывшему бойфренду.

После визита в приемное, двух МРТ и трех встреч с доктором Као, высокоуважаемым хирургом-ортопедом, мне поставили официальный диагноз. Разрыв задней крестообразной связки и повреждение прилегающих хрящей.

Мне потребовалась операция.

Сейчас, три недели спустя, я снова сижу в кабинете доктора Као на том же самом стуле и жду послеоперационного вердикта. Засовываю большой палец под цепочку и перекачиваю папины жетоны с одного края на другой. Доктор Као

открывает папку и просматривает страницу, выражение ее лица невозможно прочесть.

На этой странице написано мое будущее.

Что, если она скажет, что я больше не могу играть в футбол? Или скажет, что могу, но, вернувшись на поле, потерплю фиаско? Не знаю, что и хуже.

Больше всего в жизни мне хотелось играть в футбол. У меня не было запасного варианта.

Очевидно, получу другую степень, когда окончу университет. Но я понятия не имею, в чем.

Доктор Као просматривает свои пометки.

– У меня хорошие новости. МРТ после операции выглядит лучше, чем я ожидала. Мне удалось восстановить заднюю крестообразную связку с помощью пересадки ткани с ахиллесова сухожилия, при этом не причинив дополнительных повреждений.

Мама выдыхает, словно задерживала дыхание.

– Слава Богу.

В моей груди поднимает голову надежда.

Мне отчаянно хочется услышать хорошие новости.

Мама крутит на пальце обручальное кольцо, тем самым показывая, что взволнована.

– Что дальше?

Доктор Као разворачивается ко мне на стуле.

– От трех до четырех раз в неделю ты будешь встречаться с физиотерапевтом, чтобы укрепить квадрицепсы и восста-

новить диапазон движений. Если все пойдет хорошо, вскоре тебе снимут ортез.

Она имеет в виду черный бандаж, обхватывающий ногу и похожий на черный бронежилет из научно-фантастического фильма «Робокоп», который так любил папа. Спереди и сзади тянутся две вставки, закрепленные тремя регулируемыми ремнями, обхватывающими ногу – на бедре и над и под коленом. Круглые шарниры позволяют сгибать колено, но это очень неудобно.

– Когда я снова смогу играть в футбол? – Меня интересует только это.

– Связка должна зажить. – Доктор Као показывает на мое МРТ, висящее на негатоскопе⁶. – Тебе повезло, что коленная чашечка не треснула.

Нет здесь никакой удачи.

– Сколько именно потребуется времени?

Запускаю руки в волосы.

– Четыре месяца. Через четыре или пять недель должна восстановиться обычная работоспособность.

Доктор Као продолжает говорить, но я не слушаю.

– Четыре месяца? Это почти полгода. – Я знала, что пропущу остаток осеннего сезона, но четыре месяца? Подсчитываю. – Сейчас ноябрь... Я могу пропустить весенний сезон.

⁶ Негатоскоп – устройство, предназначенное для просмотра на просвет сухих и мокрых чёрно-белых радиографических снимков (рентгенограмм, томограмм и т. д.) в медицине и технике.

В нашей старшей школе нет весеннего футбольного сезона, поэтому мы с Люсией играем за сборную, которая ездит по всей стране – эта команда конкурентоспособнее университетской команды Адамса. Мы начинаем играть в марте. Даже если к тому времени мое колено заживет, доктор Као не позволит мне надеть форму и выбежать на поле. Наверное, понадобится больше физиотерапии, и тренер быстренько от меня избавится.

Этого не может быть.

Встаю слишком быстро, стул сдвигается назад. Я не привыкла к ортезу, поэтому теряю равновесие.

Мама хватает меня за руку и удерживает, ее рука трясется.

– Мы что-нибудь придумаем. Пейтон, все будет хорошо.

Сажусь и разваливаюсь на стуле.

– Я потеряю место в университете. Насколько это хорошо?

Доктор Као ерзает в кресле.

Мама пытается меня приободрить, но как-то неуверенно.

– Не ты первая спортсменка, которая получила травму. У них должны быть протоколы для таких ситуаций. – Затем с надеждой на лице поворачивается к доктору Као: – Разве не так?

– Я уже знаю, что будет. Все написано в письме. – Которое я практически выучила наизусть. – Предложение зависит от того, как я покажу себя в этом году, и моей возможности играть за университет в следующем. Команды Дивизиона I не могут позволить себе рисковать и принимать травмирован-

ных игроков.

Мой голос надламывается.

На стенах кабинета висят плакаты с автографами и благодарственные письма в рамках из колледжей и от спортсменов, чью карьеру спасла доктор Као. Эти спортсмены, наверное, тоже волновались из-за того, как долго они не смогут выступать.

Смотрю на доктора Као.

– Мы можем как-то ускорить процесс? Что-нибудь придумать? – Слезы катятся по моим щекам. – Пожалуйста. Я должна играть весной.

– Пейтон, знаю, тебе тяжело это слышать, – спокойно произносит доктор. – Но если ты начнешь играть до того, как заживет задняя крестообразная связка, и получишь на поле еще одну травму, то снова окажешься на моем операционном столе.

Это случилось не на поле.

Мама паникует и забрасывает доктора Као вопросами о показателях выздоровления и физиотерапии. Жаль, на мои вопросы нельзя так легко ответить.

А если бы тем вечером я осталась дома, а не пошла на вечеринку? Или не нашла бы допинг в сумке Рида? Что, если бы раньше узнала, что он увлекается стероидом?

Сидела бы я сейчас на этом самом стуле?

Ответы не имеют значения, потому что я никогда этого не узнаю.

Глава 7

Сжигая мосты

МАМА СТУЧИТ в дверь моей комнаты и заглядывает.

– Тебе что-нибудь нужно?

Я все еще пытаюсь переварить разговор в кабинете доктора Као.

– Нет. Все нормально.

Эти слова кажутся мне нелепыми.

Ни эта ситуация, ни мое самочувствие нельзя назвать нормальными.

Мама крутит обручальное кольцо.

– Кто-нибудь звонил?

Она имеет в виду Тесс.

– Пока нет.

Последние три недели без друзей прошли тоскливо, особенно без Тесс.

Я часто говорила с ней по телефону, но звонки не напоминали нормальный разговор – лишь бессмысленный треп,

поддерживаемый неловким молчанием. Я не могла упомянуть колено или поделиться страхами из-за операции и своего будущего, ведь это походило бы на нападение на Рида.

Гвен полностью забила на меня, выйдя тогда из приемного. Она всегда нервничает из-за любых конфликтов, но я не просила ее принимать чью-то сторону. Наверное, лучше, когда понимаешь, что дружба не стоит одного телефонного звонка.

Хотя бы Люсия меня не бросила. Она до сих пор звонит и забегает, чтобы посидеть со мной и отдать домашнее задание. А еще она единственная, кто пришел ко мне в больницу в день операции. Гвен написала мне – впервые с того вечера, как я оказалась в приемном.

Но я ждала Тесс. Не потому, что она обещала прийти. Мы давно были лучшими подругами. А теперь она разрывается между мной и братом.

Но мне казалось, что наша дружба важнее всего.

В итоге Тесс не появилась. И прислала мне сообщение с отговоркой, что у нее грипп. Вместо Тесс я получила Рида.

По словам Люсии, он тусовался на парковке, прятался от моей мамы и звонил Люсии, чтобы узнавать свежие новости. Он разыгрывает из себя подавленного бывшего парня перед всеми, включая меня. Постоянно пишет и звонит мне – умоляет дать ему еще один шанс или встретиться и поговорить. Словно ничего и не было.

Скоро все узнают о нем правду.

– Как думаешь, они получают результаты анализов до того, как закроется лаборатория? – спрашиваю маму, пока она переставляет на полке мои футбольные трофеи.

– Я надеюсь, скоро все будет, – отвечает мама. – Рид сдавал этим утром.

Утром Люсия сообщила мне, что он сдает анализы сегодня, но не знала, во сколько.

– Откуда ты знаешь, что утром?

– Мама Рида сообщила мне, когда позвонила и сказала, что я – ужасная мать.

Придвигаюсь к изголовью и присаживаюсь.

– Она действительно так сказала?

Мама кивает.

– Среди всего прочего. Несла чушь насчет того, что Рид никогда не стал бы принимать наркотики или обижать тебя. Я перестала слушать после того, как она сказала, что он работал волонтером в приюте для животных.

– Это правда.

– Тогда мне жаль этих собак. – Она буйствует с тех пор, как увидела меня в приемном и я рассказала, кто это со мной сделал. Это было до того, как мы узнали степень повреждения колена. – Я все еще думаю, что надо было подать на него в суд.

– Это больше навредило бы Тесс, а не Риду. Миссис Майклс уже работает на двух работах и без его помощи не может оплатить аренду и счета.

– Я забочусь о Тесс. Но она не моя дочь, – говорит мама.

– Я никогда не прощу Рида. Но ему нужна помощь, и я хочу, чтобы он получил ее ради Тесс.

Когда он толкнул меня, во мне что-то выключили. Все узы между нами разорвались, а мои чувства к нему угасли. Но я не могу отправить Рида за решетку – Тесс очень сильно любит его, и только он стоит между Тесс и уведомлением о выселении из жилья.

– Когда допинг-тест окажется положительным, его выгонят из лиги. Для Рида это хуже нескольких месяцев в тюрьме, – напоминаю маме.

Она собирает грязную одежду.

– Закину эту кучку постираться и сниму стресс выпечкой. Есть пожелания?

– На твой выбор.

Она уходит, оставляя дверь открытой.

– Кричи, если что-то понадобится.

Смотрю на время. Три часа. Уроки закончились в половину третьего.

Вскоре Тесс узнает правду, если уже не знает. Но что это сделает с нашей дружбой? Будет ли все так же, как раньше, если Рида выгонят из лиги? Это же я донесла на него. Не будет ли Тесс думать об этом каждый раз, как ее мама отправится на дополнительную смену?

Звонит телефон, на экране высвечивается номер Тесс. Разговор предстоит нелегкий. Возможно, она в истерике.

Глубоко вдыхаю.

– Привет.

Тесс шмыгает носом.

– Как ты могла так поступить со мной?

– Как поступить?

– Соврать мне, – произносит Тесс между рыданиями. – Ты должна была быть моей лучшей подругой. Я доверяла тебе.

Должна была.

Эти два слова выбивают из легких весь воздух.

– Я не врала.

– Пришли результаты анализа Рида, Пейтон. Они отрицательные.

Я сначала сомневаюсь, что правильно ее расслышала.

– Тогда эти результаты неверные. Им надо проверить его еще раз.

Голова кружится, словно я застряла на быстро двигающейся карусели.

– Ты вообще подумала, как это повлияет на меня? – Тесс давится рыданиями. – Рида выгнали бы из турниров и зала. А я спала бы с мамой в машине на стоянке «Уолмарта». Без помощи брата мы прожили бы всего две недели.

– Я ни за что не стала бы вредить тебе или твоей семье, Тесс.

– Ты уже это сделала.

– Но я...

Звонок обрывается.

Результаты отрицательные.

Как такое возможно? Даже если Рид перестал принимать допинг – во что я ни на секунду не поверю, – наркотики можно было бы обнаружить даже через три недели.

Открываю ноутбук и ищу информацию, как обмануть допинг-тесты. Выскакивают десятки блогов и статей: *Советы бодибилдинга: допинг-тесты, которые можно (и нельзя) обмануть, Маскировка допинга и Анализ мочи: лучший друг спортсмена.*

Статьи ведут меня к постам на форуме о различных методах обмана тестов: начиная от потребления неимоверного количества воды и приема диуретиков, чтобы стереть следы допинга, и заканчивая использованием тестостероновых пластырей или мази под названием «Крем», чтобы замаскировать стероиды – варианты бесконечны и доступны онлайн.

Люсия сказала, что Рид охотно согласился на тест. Он написал об этом в соцсетях. И теперь я понимаю, почему.

Реальную угрозу нес только анализ крови – а сдача анализа мочи гарантировала, что ее не придется сдавать. Его тренер не стал бы настаивать на анализе крови и рисковать потерей лучшего бойца, ведь сейчас у него на руках отрицательные результаты.

Телефон издает гудок, и я проверяю сообщение. С незнакомого номера. Значит, это Рид. Я заблокировала его номера, поэтому теперь он звонит с телефонов друзей.

результат теста отрицательный. все хорошо.

Все хорошо?

Что именно он имеет в виду – ему сошло с рук, что он столкнул меня с лестницы и соврал об этом? Или что обманул допинг-тест и уничтожил мою репутацию? Или что испортил мои отношения с Тесс?

Хочу написать жестокий комментарий, который будет его терзать, но не делаю этого. Не потому, что в этой ситуации хочу выглядеть лучше, а потому что хочу, чтобы он перестал писать и звонить, а любое мое слово – положительное или отрицательное – только подстегнет его еще больше.

Через минуту снова приходит сообщение.

скучаю. мы можем поговорить?

В коридоре звонит домашний телефон.

– Рид? Это ты? – слышу мамины слова. – Алло? Прекратите звонить в мой дом.

– Это был Рид? – кричу я.

– Не знаю.

С того момента, как школьные сплетники прослышали про произошедшее на вечеринке, меня завалили имейлами, сообщениями в соцсетях и – из последнего – розыгрышами по телефону. То, что последние три недели меня не было в школе или где-то еще, кроме кабинета доктора, никоим образом не остановило недоброжелателей.

Команда Рида – его друзья, девчонки, что хотят с ним переспать, другие спортсмены, считающие, что я пытаюсь разрушить его будущее в ММА, и примкнувшие к ним недоб-

рожелатели – тут же обозвала меня злой бывшей подружкой или «девчонкой, пытающейся привлечь внимание».

Отрицательный результат анализа только послужит поводом для новой агрессии.

Во входящих появились и сообщения в знак поддержки. Большинство от анонимных отправителей или девочек, которых я не очень хорошо знаю, но которые подверглись насилию со стороны знакомых – на них нападали школьные задиры, члены семьи или парни, с которыми они встречались. И им тоже не верили.

Снова пикирует мой телефон. Рид, наверное, будет писать всю ночь. Смотрю на сообщение и резко втягиваю воздух. Не думаю, что оно от Рида.

остерегайся стерва

На экране появляется еще одно сообщение.

ты не можешь оставаться дома вечно

Снова звонит домашний телефон.

– Где трубка? – кричит мама из коридора.

– Здесь.

Она заглядывает в комнату, и я показываю на папин стул.

– Под папиной курткой.

Мама роется в одежде и находит телефон.

– Алло? – Она прижимает трубку плечом, поднимает со стула футболки и начинает их складывать. – Что вы сказали?

Кровь отливает от ее лица, и она роняет футболку.

– Кто это?

Мама сбрасывает звонок и смотрит на телефон.

– Не знаю. Но он угрожал тебе.

– Ты уверена, что это был не Рид?

– Определенно. Я знаю его голос.

– Что он сказал? – Телефон снова звонит, напугав меня. –

Не отвечай.

Она игнорирует меня и нажимает на кнопку.

– Алло? – Проходит несколько секунд. – Я звоню в полицию.

Она вешает трубку и кидает телефон в коридор, наблюдая, как он катится по ковру.

– Мам? Это был тот же человек? Скажи, что он сказал.

– Не хочу это повторять. – Она крутит обручальное кольцо, руки трясутся. – Тебя это расстроит.

– Как это расстраивает тебя сейчас?

Я начинаю нервничать.

Она прикасается к фотографии папы в рамке на моем комоде. На ней он не в форме морпеха или камуфляже. Он одет в красно-белую футбольную форму лиги, под мышкой мяч.

– Будь здесь твой папа, он бы знал, как с этим справиться.

– Мы сами можем с этим справиться. Просто скажи, что сказал этот парень.

Она вздыхает, чтобы успокоиться.

– Он сказал: «Остерегайся, стерва. Ты не можешь оставаться дома вечно».

То же самое было в сообщениях.

По задней части шеи распространяется щекочущее ощущение, словно по коже бегут десятки крошечных пауков.

– Зачем кому-то звонить нам домой и говорить такое? – Мама расхаживает перед кроватью. – Надеюсь, эти люди почувствуют себя виноватыми, когда наконец узнают правду о Риде.

– Этого не будет. – Мое горло как будто сжимается, и я едва могу говорить. – Звонила Тесс. Рид прошел допинг-тест, а значит, мне теперь никто не поверит.

Мама в шоке смотрит на меня.

– Как он мог его пройти?

– Я поискала в интернете. Это легче, чем ты думаешь.

Телефон снова звонит.

– В этот раз не отвечай, – снова говорю ей. – Или он продолжит звонить.

– Хорошо. – Мама вся на нервах. Прижимает пальцы к вискам. – Схожу за стаканом воды и приму что-нибудь от головной боли. Хочешь перекусить? Ты сегодня мало ела.

– Нет, спасибо.

Мама трет шею и выходит в коридор. Телефон снова звонит.

– Отключи его, – кричу я, но тут звонят в дверь, заглушая мой голос.

– Вы, должно быть, шутите, – кричит мама.

Медленно встаю. Я только что начала носить ортез, а из-за него смещается мой центр тяжести. Пока успеваю доковы-

лять до коридора, чтобы отключить телефон, в дверь снова звонят.

– Иду! – кричит мама.

Телефон все еще звонит, и я, выдернув провод из стены, чувствую удовлетворение.

– Какого черта ты здесь делаешь? – слышу мамин вопрос.

– Хочу увидеть Пейтон, если вы не против.

Голос Рида вышибает из меня весь воздух, и я тянусь к стене, чтобы облокотиться на нее.

– Это шутка?

Выглядываю за угол.

– Нет. Я утром сдал анализ, и результат отрицательный. – Рид говорит возбужденно, словно ребенок. – Пейтон вам не рассказала?

– Она перестала интересоваться твоей жизнью сразу после того, как ты столкнул ее с лестницы. Но я рада, что ты нашел способ обмануть допинг-тест.

В мамином голосе слышится не сарказм, а угроза.

– Я не...

Мама тыкает в него пальцем.

– Даже не смей показываться здесь и врать мне. А теперь вали с моей территории, не то тебя арестуют, и проведешь некоторое время в тюрьме, где тебе место.

Рид пятится и спускается с крыльца.

– Можно, я поговорю с ней всего минутку? Я стараюсь все исправить.

– Хочешь все исправить? Скажи правду. Пейтон не заслуживает, чтобы ее преследовали из-за твоей лжи.

– Кто ее преследует? – Голос Рида становится более глубоким – и жестким, – злость кипит на поверхности. – Скажите, кто, и это больше не повторится.

– Их ты тоже столкнешь с лестницы?

Зачем она его провоцирует? Если слишком давить на него, он сорвется.

Мама начинает закрывать дверь.

– Я сообщу полиции об этом визите. Больше не приближайся к моему дому.

Рид пытается что-то сказать, но мама так сильно хлопает дверью, что со стены падает мое детское художество в рамке. Рамка ударяется о пол, и я вздрагиваю.

– Он ушел? – спрашиваю я.

– Наверное, все еще где-то снаружи. – Мама ходит взад-вперед, покручивая кольцо. – Надо позвонить Хоуку.

Если мы добрались до Хоука, значит, мама в панике.

Мамин старший брат нереально крутой. Он служил с папой в военной разведке, но оказался единственным из их подразделения, кто вернулся домой из Ирака. Мой дядя попрощался с армией и теперь работает консультантом по вопросам безопасности.

Его конек?

Оценка риска и урегулирование кризисов.

– Мам, это не кризис.

– Тебе кто-то угрожает. Рид постоянно звонит, а теперь показался здесь. Я боюсь оставить тебя одну, когда выйду на работу. – Она достает сотовый. – А что насчет школы?

– Все утихнет.

– Ты правда думаешь, что я позволю тебе в понедельник пойти в школу, чтобы проверить твою теорию? – спрашивает она. – Тебе придется перевестись или наймем тебе репетитора.

– Мам, ты должна успокоиться. Я не могу перевестись в другую школу. Рид испортил мне колени и всем наврал. Он обманул тест, и теперь меня считают вруней. Если убегу, он победит.

– Это не игра. Здесь нет победителя. Будь твой папа здесь, он сказал бы то же самое.

Ее голос надламывается.

Но его нет.

Мою грудь сжимает от знакомой тоски по папе.

– Мам, ты слишком остро реагируешь.

– Это лучше, чем потерять дочь.

Она набирает дядин номер и уходит на кухню.

Следующие двадцать минут я подслушиваю ее разговор с Хоуком.

– Мне не нужна оценка риска, – говорит мама. – Если ты считаешь, что он опасен, дальше можно не объяснять.

Это плохо.

Хожу по коридору возле кухни, но мамина речь не дает

никаких намеков.

– Ты уверен, что это не доставит хлопот? – спрашивает она. – Ты сам по себе, и у тебя еще парни.

Мой пульс набирает скорость.

Не верю, что мама могла об этом подумать.

Врываюсь на кухню, когда она кладет трубку.

– Я не останусь у Хоука.

Он живет в мамином родном городе, Теннесси, с двумя сыновьями-близнецами. В последний раз мы виделись за полгода до папиной смерти. С тех пор я туда не возвращалась. Слишком тяжело. Теперь Хоук заезжает к маме, когда работа приводит его в окрестности Вашингтона.

– Твой дядя со мной согласен. Здесь опасно оставаться. Тебе кто-то угрожает, и мы понятия не имеем, замешан ли в этом Рид.

– Отлично. Я не вернусь в школу, пока все не утихнет. Буду обучаться на дому. Но я не могу уехать. Это будет похоже на побег.

– Мне плевать, на что это будет похоже.

– А мне нет. – Не позволю вранью Рида выкинуть меня из школы – или Вашингтона. Мама скрещивает руки.

– Это не твое решение.

– В таком маленьком городе, как Блэкуотер, наверное, даже нет физиотерапевта. Я не могу потерять стипендию. Не позволю Риду и ее забрать тоже.

– Менее чем в сорока минутах от Блэкуотер есть два го-

сударственных университета, а крупный город в часе езды. Хоук сделает несколько звонков, а я утром позвоню доктору Као.

Она все уже решила.

– Я не могу жить с Хоуком. Он захочет обсудить, что произошло с папой.

Я знаю, что папа умер в тоннеле под заброшенным зданием. Тоннель подорвали, и взрыв привел к обрушению. Хоук был на крыше близстоящего здания, продолжал наблюдать и прослушивать двустороннюю радиосвязь. Он все слышал. Затем участвовал в поисково-спасательной операции и читал отчет о вскрытии.

Но я не хочу знать детали.

– Хоук – твой дядя, и он тебя любит. Он не будет разговаривать о произошедшем, если ты сама не будешь задавать вопросы, – обещает мама.

– Не буду. Никогда.

Мама касается обручального кольца.

– Однажды ты, возможно, захочешь услышать историю целиком.

Внутри все сжимается, будто то, что осталось от моего сердца, стискивает рука.

– Я уже знаю, чем все заканчивается.

Глава 8

Блэкуотер

МАМА МЕНЕЕ ЧЕМ за двое суток организовала мой временный переезд и перевод в старшую школу Блэкуотер. Звонки с угрозой стали серьезной мотивацией. После ее разговора с Хоуком нам звонили еще три раза. Мама связалась с полицией, но они мало что могли сделать в этой ситуации, поэтому мы снова отключили телефон. Полиция предложила подать заявление на выдачу судебного запрета, чтобы отвадить от меня Рида, но это лишь бумажка.

Телефонный хулиган больше не звонил, но Рид написал одиннадцать сообщений, что раздражало еще больше.

Утром перед отъездом я вытащила из шкафа огромный чемодан и закинула в него кучу одежды. Чистую и грязную – все прошло отбор. Откуда мне знать, что понадобится в Теннесси? Моя семья всегда приезжала туда летом, а сейчас ноябрь.

Последними я закинула самые важные вещи – футболь-

ные бутсы, хотя они мне не понадобятся, фотографию родителей с комода, потрепанного плюшевого зайца, с которым я спала, подарок от папы на мое пятилетие, и кривой браслет дружбы, который в начальной школе сделала мне Тесс.

Когда пришло время уезжать, мама не могла загнать меня в машину. В дороге мне не хотелось разговаривать, поэтому я заставила ее слушать нудные станции, где передают софтверок. Это дало мне время подумать.

Осенний сезон должен был стать моментом моего триумфа, ведь я три года вела женскую команду к чемпионатам штата. А весной я бы продемонстрировала свои умения со сборной командой. Самое сложное должно было закончиться, но оно только началось. Хоук решил вопрос с физиотерапией – в этом переезде только это было важно для меня. Со мной согласился работать доктор, специализирующийся на спортивной терапии.

Через шесть часов дороги мама выключает радио прямо посреди «The Piña Colada Song», а значит, хочет поговорить.

– Тесс знает, что ты уехала? – осторожно спрашивает она.

– Ей рассказала Люсия. – Единственная из моих друзей, кто, похоже, верит мне. – Уверена, Тесс плевать. Последний наш разговор продлился меньше минуты, и она обозвала меня лгуньей. С тех пор мы не общались.

Мама съезжает с шоссе на следующем повороте.

– Правда все равно выйдет наружу. Так происходит всегда.

– Это такая банальность.

– Которая еще является и правдой.

После последних трех недель я уже ни на что не надеюсь.

Дорога превращается в двухполосное шоссе без «Макдоналдса» или автозаправок по обочинам, лишь зеленый знак гласит: *Блэкуотер через 32 километра*. Дорогу от километров пастбищ отделяет кривой деревянный забор, обмотанный колючей проволокой. Если не считать случайный потрепанный погодой сарай, снаружи ничего нет, кроме коров.

Их очень много.

– Мы обычно этой дорогой ездим? – Выглядываю в окно и вижу, как возле забора облеγχается огромная черная корова. – Не помню такого... фермерского вида.

– Я поехала в объезд. Твой папа предпочитал шоссе. Но Блэкуотер «фермерского вида», какой дорогой туда ни направляйся. До строительства завода по переработке зерна из Блэкуотер выбирались лишь футболисты Дивизиона I.

– Американский футбол себя изжил.

– Только не озвучивай это при дяде и всех остальных жителях города, – дразнится она.

Мне все равно, что здесь все ходят на футбольные игры. Все свободное время я планирую восстанавливать свое колено.

Впереди вижу стадион старшей школы. Рядом с парковкой стоит белый почтовый ящик с табличкой, на которой написано: **ВОИНЫ VS. ЖЕРЕБЦЫ. ВЕЧЕР ПЯТНИЦЫ.**

На парковке полно пикапов и джипов.

– Мы как будто приехали на концерт кантри.

– Это значит, мы в нужном месте. – Мама заезжает на первое свободное парковочное место и достает телефон. – Прежде чем войдем, мне надо проверить рабочую почту.

Мое колено болит и онемело из-за долгой поездки.

– Мне нужно немного размяться.

Как только выхожу из машины, колену тут же становится легче.

Мама не преувеличивала, когда сказала, что в Блэкуотер все любят американский футбол. Никогда не видела столько машин на игре старшей школы. И что более странно, здесь нет никого, кроме пацана на скейтборде и компании из трех парней, на вид старшеклассников, пьющих пиво на багажнике пикапа.

Дома возле стадиона обычно тусовалось больше человек, чем на местах внутри.

Скейтер петляет между грузовиками, уворачиваясь, как профессионал, от боковых зеркал, и доезжает до соседнего с нами ряда. Его волосы по бокам выбриты, а посередине головы красуется короткая полоска темных волос.

Возможно, этот город не так уж отличается от Вашингтона. Темнокожий парень с ирокезом, в высоких кедах и старой доброй толстовке с принтом «Green Day», дает мне надежду.

Скейтер совершает прыжок, и доска переворачивается в воздухе. Только он собирается встать на скейтборд, как кто-

то проносится между двумя машинами и выхватывает из-под него доску. Я тут же узнаю придурка с маллетом. Он из тех парней, что пили пиво на багажнике пикапа.

Пацан падает на задницу и морщится.

Парень с маллетом смеется. Меня поражает, что ему хватает смелости смеяться над кем-то другим, когда у самого ужасная стрижка из 90-х и футболка с надписью: **ЧЕМ ВЫШЕ КОЛЕСА, ТЕМ БЛИЖЕ К БОГУ**.

Подходят друзья придурка и ржут, как идиоты. У парня повыше кожа с оспинами и монобровь. У его приятеля две отдельные брови, но он как будто не знает, какой размер носит. Его футболка обтягивает живот, как оболочка колбасы. Этим двоим тоже не следует над кем-то смеяться.

Высокий парень с монобровью показывает на скейтера:

– Кажется, тебе нужно потренироваться, Такер. Может, тебе стоит вернуться в Калифорнию и потусоваться с другими скейтерами-фриками.

Такер поднимается, отряхивает джинсы и молча берет доску. Либо он уже знает, что к чему, либо достаточно умен, чтобы не настраивать их против себя. Он опускает голову и держится ближе к припаркованным машинам, обходя стороной этих трех парней. У него почти получается пройти мимо, как придурок с маллетом бросается вбок и выхватывает из руки Такера скейтборд.

Такер пытается его выхватить, но не успевает.

– Отдай мне доску, Гарретт. Почему ты меня достаемшь?

Я ничего не сделал.

У него нет того южного акцента, что слышался у Гарретта и его друзей. Возможно, действительно из Калифорнии. Мне его жаль. Он как минимум на два года младше других парней.

Гарретт прислоняет доску к плечу.

– Ты сегодня выставил меня дураком на уроке, потому что не мог сидеть молча.

– Потому что верно ответил на вопрос? – невинно спрашивает Такер.

– Готов поспорить, он сделал это специально, – подначивает Гарретта парень с висящим пузом.

Гарретт кивает.

– Да. Я тоже так думал.

Он свободной рукой хватает Такера за толстовку и дергает его к себе.

Такер настолько ниже Гарретта, что ему приходится балансировать на носочках.

– Клянусь, я не пытался выставить тебя дураком.

– Но ты это сделал.

Гарретт кидает скейтборд другу. Парень с монокровью ловит его и с силой ударяет о колено. Доска разламывается пополам.

– Нет, чувак! Прекрати. – Такер вырывается, чтобы собрать оставшееся от скейтборда. А когда наклоняется, чтобы поднять куски, Гарретт прижимает ногу в ботинке к груди

Такера и толкает его назад.

За мной появляется мама.

– Что происходит?

Она прослеживает за моим взглядом и видит, как Такер падает на землю – а три парня смеются над ним. Мама прищуривается.

Я знаю этот взгляд.

– Сейчас вернусь.

Мама идет между «Бронко» и припаркованным рядом грузовиком. Несмотря на свое беспокойство из-за моей безопасности, она редко волнуется о своей.

Хватаю ее за руку прежде, чем она выйдет за «Бронко».

– Мам, ты не можешь пойти туда одна.

– Конечно, могу.

– Я пойду.

Пытаюсь обойти ее.

– Пейтон, у тебя только что была операция. Ты останешься здесь. Я могу справиться с этими неандертальцами. Но позвони Хоуку и попроси выйти сюда. Этих парней надо хорошенько напугать.

Мама уходит, и я не успеваю ее остановить.

Достаю телефон и иду за ней. Вроде у меня нет номера Хоука. Мы же не созваниваемся и не переписываемся.

Дерьмо.

Где мама?

– Отстаньте от меня, – умоляет Такер.

Гарретт хватает Такера и поднимает его.

Я краем глаза отмечаю фигуру, метнувшуюся между двумя машинами возле Гарретта и его друзей. Это еще один парень.

Мама выходит между двумя грузовиками и кричит:

– Уберите от него руки!

Гарретт и его компания смотрят на маму. Они не замечают загадочного парня, бегущего к ним.

Этот новый парень хватает Такера, вырывает его у Гарретта и одновременно сжимает руку вокруг шеи придурка.

– Какого... – Гарретт не может выдать ни слова.

Загадочный парень усиливает хватку на шее Гарретта.

– Если хочешь на кого-то наехать, давай сначала посмотрим, как ты справишься с кем-то твоего размера. Только слабаки могут задира́ть девятиклассника.

Он отталкивает Гарретта.

Гарретт откашливается и трет шею.

– Будь осторожен, Оуэн.

– Не то что? – Оуэн смеется и качает головой, словно считает Гарретта жалким неудачником. – Я здесь. Но тебе лучше привести с собой друзей, потому что понадобится помощь.

Другие два парня отступают, давая понять, что не принимают вызов Оуэна. Гарретт выпячивает грудь, но молчит.

– Так я и думал. – Оуэн показывает на сломанную доску Такера. – И вы оплатите покупку новой доски.

– Ни черта подобного.

Оуэн подходит к Гарретту и заглядывает ему в глаза.

– Колеса на твоём грузовике, кажется, дорогие. Сколько понадобится денег на их замену? Готов поспорить, намного больше, чем на скейтборд.

Гарретт тут же все понимает.

– Держись подальше от моего грузовика, Оуэн.

– Как я сказал, ты оплатишь покупку новой доски. – Оуэн ведет Такера к стадиону. – Пойдем. Мы закончили.

Такер оглядывается на мою маму и кивает – таким образом молча благодарит ее, словно знал, что она вступится.

Оуэн поворачивается в нашу сторону.

И смотрит прямо на меня. Выражение его лица – сложный клубок эмоций, который я не могу распутать. Было время, когда мне хотелось проанализировать выражение лица какого-нибудь симпатичного парня после того, как он вмешивался и кого-то спасал. Но теперь с меня хватит сложностей.

Глава 9

Огни вечера пятницы

МАМА ОБЛЕГЧЕННО выдыхает, когда Гарретт и его друзья уходят.

– Похоже, в Блэкуотер не так скучно, как я помню.

– Достаточно с меня драмы за три недели. Скучно – это хорошо. Возможно, внутри есть скучные хот-доги.

Направляюсь к стадиону. И тут замечаю вход.

Это тоннель.

Я не люблю тоннели.

Мама тоже его замечает.

– Уверена, здесь есть еще один вход.

Мы обходим стадион и видим другой вход. Внутри перед нами простирается поле.

Из колонок хрипит голос комментатора:

– И снова перехват седьмого номера, Кэмерона Картера!

На трибунах, растягивающихся над нами, одобрительно взрываются зрители.

Колонка снова хрипит.

– Тачдаун! Дамы и господа, Воины Блэкуотер сегодня покажут класс Жеребцам из Спринг Хилл!

– Это стадион старшей школы? – спрашиваю маму сквозь шум. – Да здесь легко можно проводить игры НФЛ.

– Не совсем. Но люди в Теннесси серьезно относятся к американскому футболу. – Мама вытягивает шею в поисках дяди. – В пятницу вечером все магазины города закрываются.

– Сисси! – кричит Хоук. Он единственный называет мою маму Сисси, а не Сарой – или, если мы в Блэкуотер, Сарой Энн.

Дядя машет, стоя в нескольких рядах от нас. Его, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров и с фигурой, как у танка, очень сложно не заметить – седая короткая стрижка, аккуратная бородка и доброе лицо. Бабушка всегда говорила, что человеку с таким лицом можно доверять. Мама машет в ответ и улыбается своему старшему брату. Они видятся нечасто, но так и не скажешь.

Осматриваюсь и подвожу итог. На трибунах полно дружелюбных лиц – родители и бабушки с дедушками в шарфах и куртках из шерсти с символикой Воинов Блэкуотер, рядом с хозяином сидит немецкая овчарка, а лица многих раскрашены сине-белой краской в знак поддержки команды.

Здесь больше командных курток и цветов школы, чем я видела дома. Но в остальном одежда моих сверстников не

сильно отличается от одежды учеников моей школы.

По крайней мере, я не стану приезжей, которая странно одевается.

Я, вероятно, буду единственной наполовину белой, наполовину кубинкой в Блэкуотер, если только что-то не изменилось с моего последнего визита два года назад. Это место не совсем «плавильный котел⁷». Но приятно видеть здесь темнокожих и азиатов.

Мы с мамой петляем между людьми, несущими упаковки пива и картонные коробки с хот-догами и картошкой фри. А когда доходим до узкой лестницы у основания трибуны, мама пропускает меня первой.

– Ты уверена, что тебе не нужна... – Сердито смотрю на нее, и она замолкает.

Держась за перила, постепенно поднимаюсь. Если колено устанет, я хотя бы не упаду на задницу на глазах у половины города – вероятно, целого города, судя по количеству людей здесь.

На ступеньке передо мной появляются армейские ботинки, и не успеваю я поднять голову, как меня за талию обхватывает рука. По венам несется адреналин.

– Я держу тебя. – Хоук поднимает меня, и мои ноги болтаются в воздухе. – С такой скоростью игра закончится быст-

⁷ Плавильный котел – является переводом с английского языка выражения melting pot. Это модель этнического развития общества, которая пропагандируется в американской культуре.

рее, чем ты займешь место.

Мне не так уж везет.

Вместо того, чтобы воспользоваться лестницей, как нормальный человек, Хоук поднимается посередине трибуны, маневрируя между сидящими людьми.

– Отпусти меня.

Он игнорирует меня.

– Почти пришли.

– Она в порядке? – кричит нам вслед какая-то женщина.

Мои щеки краснеют.

Не успеваю я снова выразить протест, как Хоук опускает меня.

– От двери до двери.

Молча сажусь на холодную металлическую скамью и наблюдаю за мамой, которая поднимается по лестнице.

Хоук присаживается возле меня.

– Всем время от времени нужна помощь.

Время от времени я еще выдержу. Но теперь все думают, что мне постоянно нужна помощь. Один взгляд на скобу Робокопа, и они торопятся открыть двери и отодвинуть стул.

И я это ненавижу.

На футбольном поле мой разум всегда контролировал тело. Я решала, не слишком ли устала бегать. Решала, уйти или нет. Теперь мое тело под контролем. Мое колено может сломаться без предупреждения, и я не смогла бы пробежать по полю, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Доктор Као

утверждает, что требуется время.

Но если она ошибается?

Хоук подается вперед и, упираясь локтями в колени, рассматривает поле.

– Простите. Можно, я здесь пройду? – Мама наконец-то добралась до нашего ряда. Люди на первых местах встают, чтобы она пробралась мимо них. Она садится возле меня и кладет руку мне на плечи. – Что я пропустила?

– Не особо много. – Понижаю голос. – Это всего лишь американский футбол.

– Четвертый на десяти ярдах. Мяч у Жеребцов. – На поле всплеск активности. – Перехват Воинами! – кричит комментатор.

Все вокруг нас вскакивают и орут как сумасшедшие, и я дергаюсь из-за внезапного движения. Мама замечает это и сжимает мое плечо. Хоук засовывает два пальца в рот и свистит так громко, что слышно на парковке.

К дяде поворачивается мужчина, который слишком стар для сине-белой краски на лице.

– Ваши парни сегодня отжигают на поле. Как думаете, продержатся до чемпионата?

Хоук гордо улыбается.

– Таков план.

Два огромных парня на поле ударяются грудными клетками и дергают друг друга за шлемы. А когда поворачиваются, на их футболках написано: КАРТЕР.

– Подождите. Эти гиганты – близнецы? – спрашиваю я. Это невозможно. Последний раз я видела их полтора года назад, на папиных похоронах, и они были коренастыми, но теперь выглядели выше и даже шире.

Хоук кивает.

– Ага. Вот там. Номер семь и одиннадцать.

От рутины избавляют чирлидерши. Надо отдать им должное за сальто назад и колесо, хотя чирлидинг никогда меня не интересовал. Я хочу забивать голы и находиться в центре событий. Остаток игры проходит еще в нескольких сальто назад, близнецы атакуют игроков другой команды, а зрители наслаждаются каждой секундой.

После разгрома Жеребцов Хоук ждет, когда стадион опустеет, и только потом встает. Затем идет передо мной, пока мы медленно спускаемся. В самом низу, в сторонке, стоят близнецы и терпеливо жмут руки взрослым, выстроившимся в очередь поздравить их. Они явно выше и рельефнее. Отвратительно называть своих кузенов симпатичными, но если бы их увидела Люсия, то, вероятно, использовала бы слово «сексуальные». Рядом с ними стоят чирлидерши, улыбаются, будто лично принимали участие в победе.

Один из близнецов замечает Хоука и машет.

– Сюда, пап.

Понятия не имею, кто это – Кристиан или Кэмерон. Многие близнецы не совсем одинаковые.

Отличить их помогают небольшие различия, такие, как

изгиб линии подбородка или наклон брови. Но Кристиан и Кэмерон представляют собой зеркальные отражения друг друга – те же широкие плечи и квадратные подбородки, голубые глаза и темно-русые волосы, белоснежная кожа и детские лица.

– Это была потрясающая игра, парни. – Хоук сжимает плечи сыновей.

– Ты видел, как я сбил принимающего? – спрашивает один из кузенов, его потные волосы прилипли к голове.

Брат отталкивает его локтем.

– Да, да. Это было после того, как я разгромил квотербека.

– Вы оба выполнили свою работу. – Кажется, Хоук привык к такому соревнованию за одобрение. – А теперь, может, постараетесь не позориться перед тетей Сисси и вашей кузиной?

– Кто из них кто? – шепчу маме.

– Кэмерон седьмой, а Кристиан одиннадцатый, – отвечает Хоук. У него, похоже, собачий слух.

Кэмерон видит меня и улыбается.

– Пейтон?

– Насколько мне известно.

– Ты повзрослела, – говорит Кэм. Я похлопываю его по руке.

– Как и вы, парни.

Кристиан смотрит на меня и подталкивает брата локтем.

– Это станет проблемой.

Кэм кивает.

– Я тоже об этом подумал.

Я скрещиваю руки.

– Почему я стану проблемой?

– Не ты, – отвечает Кристиан. – А это.

Он проводит рукой сверху вниз, словно имеет в виду мой внешний вид или думает, что я – пугало, которое нужно прятать дома.

– Мы не хотим, чтобы парни в школе...

– Говорили обо мне? – заканчиваю за него.

Кэм странно смотрит на меня.

– Он собирался сказать, смотрели на тебя.

– Кажется, близнецы делают тебе комплимент, – говорит мама.

– О. – Чувствую себя дурой, но рада, что кузены не стесняются где-то появиться со мной. – Не волнуйтесь. Я смогу справиться с вашими друзьями.

Кристиан выглядит неуверенным.

– Я бы на это не ставил.

– Ты ни на что не можешь поставить, потому что твоих денег не хватает даже на упаковку жвачки, лузер, – бросает Кэмерон. Через несколько секунд близнецы начинают толкаться, как десятилетки.

– Достаточно, парни, – говорит Хоук, и близнецы останавливаются.

– У Титана проходит вечеринка, – сообщает Кэмерон Хо-

уку. – Мы возьмем с собой Пейтон и познакомим ее со всеми.

Мне совершенно не хочется сегодня знакомиться с людьми. Лучше посижу на еще одной футбольной игре.

– Спасибо, но я – пас. Устала после поездки.

Зеваю для эффекта.

Взгляд Кэмерона устремляется на мое колено.

– Ты, наверное, не хочешь идти на вечеринку после того, что произошло на последней.

– Но этого бы точно не произошло, будь мы там. Это твой бывший «упал бы», – Кристиан показывает кавычки, – с лестницы.

Содержимое моего желудка угрожает подняться.

Близнецы уже знают, что случилось с моим коленом. А я не хотела, чтобы в Блэкуотер кто-то об этом знал.

Глава 10

Топтание на одном месте

СМОТРЮ НА МАМУ, но она слишком занята тем, что прожигает моего дядю взглядом. Очевидно, не знала, что Хоук рассказал близнецам, как я травмировала колено.

Хоук потирает место между бровями и прочищает горло.

– Извини, Пейтон. Я думал, парням следует знать. Надо было прежде посоветоваться с тобой или Сисси.

Вот теперь мама и убедилась, что Хоук никому не расскажет.

– Но они об этом никому не расскажут. Верно, парни?

– Конечно, сэр, – отвечает Кэм.

Хоук смотрит на Кристиана, который говорит:

– Я даже дышать не буду.

Дядя кивает.

– Отлично. Тогда сделайте всем собравшимся на вечеринке одолжение и примите душ.

Близнецы убегают, а мама и Хоук переключаются на меня.

Чувствую приближение разговора по душам, а я не в настроении. Устала отвечать на те же угнетающие вопросы. Больно ли мне? Сложно ли мне привыкнуть? Волнуюсь ли я, что потеряю стипендию?

Все вышеперечисленное.

– Где уборная? – Это единственное место, куда за мной не последуют.

Хоук показывает на главный вход.

– Прямо и налево. Мимо не пройдешь.

– Спасибо.

Устремляюсь прочь, намереваясь выбраться за пределы слышимости, пока они не стали меня обсуждать. В туалете под огромным зеркалом, украшенным наклейками ВОИНЫ БЛЭКУОТЕР, течет кран. Прислоняюсь к стене и наслаждаюсь проникающей сквозь куртку прохладой.

В кармане вибрирует телефон.

Ого. Мама выждала целых пять минут, прежде чем проверить меня.

Но это не мама.

Зеленым буквами светится имя Тесс.

Поняла, что я говорила правду? Возможно, это Люсия уговорила ее меня выслушать. Отвечаю на втором гудке.

– Я так рада, что ты позвонила.

– При нашей последней встрече ты сказала, что нам больше не о чем разговаривать, – подначивает меня голос Рида с другого конца провода. – Надеюсь, это неправда.

– Тогда ты разочаруешься. Если я хочу с кем-то говорить, то не блокирую его номер. – Мое сердце колотится. – Откуда у тебя телефон Тесс? Дай мне с ней поговорить.

– Она пошла что-то забрать и оставила телефон в машине. Как ты сказала, мой номер заблокирован.

Но это не помешало ему мне позвонить.

– Я скучаю по тебе, Пейтон.

Сожаление в его голосе сродни ползающим по моей коже паукам.

– Дай мне Тесс, – выдавливаю я.

Рид неглубоко вдыхает, словно ему сложно со мной общаться.

– Сомневаюсь, что она будет с тобой разговаривать.

Почему я все еще разговариваю с ним? Надо сбросить, но мне становится легче, когда выплескиваю свою злость наружу. Он этого заслуживает.

– И кого мне за это благодарить?

– Я умолял тебя дать мне еще один шанс. Это все, чего я хотел. – Он говорит так искренне, как парень, с которым я начинала встречаться. – Я бы никогда тебя не обидел.

– Ты вообще адекватен? – парирую я. – Ты меня обидел.

– Это было случайно.

– А вранье, что ты не сталкивал меня с лестницы, тоже было случайностью?

Внутри меня что-то рвется, и сдерживающую мои эмоции плотину прорывает.

– Я никогда не хотел, чтобы случилось подобное, Пейтон. Но ты загнала меня в угол. Я не пытался испортить отношения между мной и тобой – или тобой и Тесс. Если бы ты дала мне еще один шанс, я бы мог все исправить. Я не пытался тебя обидеть. Я тебя люблю.

С моих губ срывается горький смех.

– Продолжай себе это твердить, но не пытайся убедить меня в этом. Я там была.

– Понимаю. Ты не готова меня прощать. Но я знаю, что ты все еще меня любишь, и я не сдамся.

Теперь голос Рида – который мне раньше нравилось слушать – вызывает у меня тошноту.

– Мне плевать, что ты делаешь, только перестань звонить мне и писать.

Кладу трубку, пока он не ответил.

Со скрипом открывается дверь в туалет, и я ныряю в ближайшую кабинку. Мимо щели между дверью и стенкой кабинки проходят сине-белые юбки чирлидерш.

– Кристиан снова играет в игры, – медленно произносит девушка с южным акцентом. – Неделию назад он сказал, что хочет «серьезности в наших отношениях». А прошлым вечером мы жутко разругались, и он сказал, нам нужно расстаться на время.

Ее подруга ахает:

– О господи, Эйприл! Он расстался с тобой?

– На время не значит расстаться полностью.

Кажется, Эйприл раздражена.

– Но в обоих случаях есть слово «расстаться».

Сдерживаю смех.

– Не придирайся к словам, Мэдисон. Это неважно. Я все равно собиралась сказать Кристиану, что все кончено. Устала ждать, когда он повзрослеет. Он не единственный сексуальный парень в Блэкуотер.

– Но он самый сексуальный, – отмечает Мэдисон. – И вы снова сойдетесь. Как и всегда.

– В том-то и проблема. Кристиан думает, что я вечно буду рядом. Поэтому покажу ему, что он ошибается.

Снова со скрипом открывается дверь, и бряцание тюбиков помад и пудры в косметичках, а также сплетни, прекращается.

– Привет. – Заходит еще одна девушка в сине-белой юбке. – Вы пойдете на вечеринку?

– А что? Ты идешь? – стервозно спрашивает Эйприл.

– Не знаю. – Девушка роется в сумочке. – Мэдисон, твой двойной переворот выглядел круто.

Мэдисон игнорирует комплимент.

– Как и в девятом классе.

– К твоему сведению, Грейс, – говорит Эйприл. – Я бросила Кристиана, поэтому можешь спокойно пойти на вечеринку и таскаться за ним, как щенок – ты ведь всегда так делаешь.

Я мало что знаю о чирлидинге, но эти девчонки в одной

команде. А на члена своей команды нельзя набрасываться.

– Я не таскаюсь за ним, – тихо произносит Грейс. – Мы просто дружим.

– Да хватит уже, – рявкает Эйприл. – Все знают, что ты в него влюблена. Это унижительно. Еще до нашего с ним расставания ты всегда ошивалась поблизости. Я ничего не говорила, потому что мне тебя жаль.

Отлично... она точно стерва.

– Ты должна пойти, – говорит Мэдисон. – Может, Кристиан тебя пожалеет.

И эти стервы начинают смеяться.

Ну же, Грейс. Скажи им, чтобы катились к черту.

Грейс молчит. Все сдерживаемые во время разговора с Ридом эмоции наконец выходят наружу. Бью ладонью по двери, и она распаивается и ударяется о следующую кабинку.

Девчонки подсакивают.

Достаточно одного взгляда – и я на девяносто девять процентов уверена, кто есть кто. Грудастая брюнетка с ярко подведенными глазами – его бывшая, Эйприл. Высокая девушка с хвостиком, стоящая рядом с ней – она как будто проиграла битву бутылочке с автозагаром, – Мэдисон. А невысокая девушка, играющая с кончиками длинных прямых черных волос, должно быть, Грейс.

Подслушав их разговор, я решила, что Грейс нескладная и похожая на мышку, но она симпатичная – густые блестящие

волосы, карие глаза и румянец на щеках.

Эйприл сердито смотрит на меня из-под мастерски накрашенных ресниц.

– Ты не в том туалете. Посетители пользуются тем, что на их части стадиона.

Она скрещивает руки и топает ногой, будто выжидая, что я сейчас убегу.

Я не любитель упивающихся властью, но Эйприл – серьезный пример.

– Я должна испугаться? Потому что не чувствую ничего такого. Что еще можешь выдать?

Мэдисон упирает руки в бока и смотрит на меня. Прямо сцена дежавю из средней школы.

Эйприл фыркает:

– Очевидно, ты не местная, поэтому я прощаю тебя.

– Ты всегда настолько догадливая? Что меня выдало? Акцент или то, что ты никогда меня до этого не видела? – спрашиваю я. – Вообще-то я из далекого места под названием Вашингтон. Там живет президент, в большом доме, который называется... Белым домом. Возможно, слышали о нем?

Мэдисон и Грейс смотрят на меня, выпучив глаза, как будто больше никто и никогда не противостоял Эйприл.

Эйприл прищуривается.

– На твоём месте я вела бы себя осторожнее.

– Не то что? Кинешься в меня блеском для губ?

Чуть ли не смеюсь, но уровень глупости этих двух дев-

чонок граничит с опасностью. Я бы никогда не стала угрожать незнакомцу. Когда растешь в большом городе, учишься верно оценивать людей. Некоторые девушки из зала, где занимается Рид, ниже меня, но могут причинить серьезный ущерб моему здоровью.

Хватит с меня.

Когда я прохожу мимо, Грейс прячет улыбку, поэтому останавливаюсь. Этой девушке нужна передышка.

– Кстати, твоя подруга, – и я использую этот термин в общих чертах, – показываю на Эйприл, – не бросала Кристиана. Это он бросил ее. Она ныла об этом до того, как ты вошла.

– Ты су... – кричит мне Эйприл, когда закрывается дверь. Было весело.

Меня немного взбодрила поддержка Грейс.

Стадион почти пуст, и мне хочется бежать, когда я вижу впереди зеленое поле. Будучи бомбардиром, я должна была вести мяч по футбольному полю и забивать голы. Команда полагалась на мою скорость.

Не могу вспомнить, когда я не играла в футбол. Папа часами водил со мной мяч – он стандартный футбольный, а я детский. Он вставал перед хлипкими воротами, которые мы соорудили из пластиковых труб, и на несколько часов превращался во вратаря, чтобы я отрабатывала угловые. Теряюсь в воспоминаниях и становлюсь невнимательна.

– Эй! Поберегись...

Поднимаю голову как раз вовремя, чтобы не вписаться в широкую грудь парня. Колено сдается, но он ловит меня за руку.

– Хорошая работа, – говорит он, словно это я не дала ему свалиться на землю.

Отстраняюсь от него. И впадаю в панику из-за сочетания голоса Рида, который я слышала две минуты назад, и ощущения пальцев незнакомца на коже, когда появившийся из ниоткуда парень схватил меня за руку.

– Ты в порядке? – Его карие глаза из-за сочетания со светлой кожей кажутся еще темнее. Это Оуэн, загадочный парень с парковки.

– В порядке.

– Уверена?

Почему мой пульс все еще несется вскачь?

– Да. Мне надо идти.

В замешательстве устремляюсь в противоположном направлении.

Я врезалась в парня и не могу прийти в себя? Это не я. Я – человек, который никогда не вздрагивает при просмотре фильмов ужасов, когда из-за кустов выпрыгивает убийца.

Из-за ортеза на ноге чувствую себя куда более беспомощной – понимаю, что не могла бы убежать от парня или дать ему отпор, если бы он отказался меня отпустить.

Или если бы снова попытался причинить мне вред.

Мама и Хоук стоят на том же самом месте. Близнецы вер-

нулись из раздевалки после душа и сменили футбольную форму на джинсы и футболки. Они вчетвером сбились в кучку и разговаривают. Вероятно, обсуждают мое хрупкое душевное равновесие. Они думают, я слишком эмоционально и морально травмирована, чтобы тусоваться на этой дурацкой вечеринке. Но я не сломленный человек, каким меня все считают.

Я отказываюсь быть такой девушкой.

Подхожу к близнецам со спины и втискиваюсь между ними.

– Так когда мы отправимся на вечеринку, о которой вы говорили?

Глава 11

Стервы и вечеринка в амбаре

– **ТЫ ВРОДЕ** говорила, что не поедешь, – говорит один из кузенов. Теперь, когда Кристиан и Кэмерон сменили футболки с номерами, мне опять приходится догадываться, с кем говорю.

– Я передумала.

Кристиан и Кэмерон закидывают руки на мои плечи и крепко обнимают меня.

– Вот увидишь, – говорит один из них.

– Тебе понравится, – заканчивает второй.

Сомневаюсь.

В маминых глазах стоят слезы.

– Ты не уйдешь, пока и меня не обнимешь. Когда ты вернешься домой к Хоуку, я, наверное, буду в пути.

– Ты не останешься на ночь? – спрашивает ее Хоук.

– Я уже взяла выходной, а завтра у меня важная встреча.

Хоук не слишком этому рад, но не спорит.

– Так где мои объятия? – Мама раскидывает руки, и я позволяю ей обнимать меня так крепко, как она хочет. – Буду скучать.

– Не волнуйся.

– Это входит в мои обязанности. – Мама отпускает меня. – Приеду через несколько недель.

Близнецам неловко от этой сцены. Я сама настолько же сильно хочу убраться отсюда, как и они. Ком в горле становится больше с каждым маминым всхлипом.

– Позвоню тебе завтра.

Быстренько обнимаю ее еще раз и иду к близнецам, которые оживляются в ту же минуту, как понимают, что мы уходим.

Она машет.

– Люблю тебя, милая.

– И я тебя.

– Я отвезу твои вещи домой, – говорит Хоук. – Твоей маме станет легче, когда она даст мне наставления и покомандует мной.

Если учесть, как нечасто он видится с мамой, он в точности описал ее характер.

Близнецы идут по обе стороны от меня.

– Давайте уберемся отсюда, пока они не заставили нас с ними ужинать, – говорит один из них.

– В чем прикол? – спрашиваю я, когда мы выходим на парковку.

– Бежать со всей дури, чтобы нас не догнали, – смеется другой.

– Я имела в виду, как вас различать.

Кузен в зеленой футболке кивает на своего брата.

– Видно же, что волосы у меня круче и я симпатичнее.

Его брат смеется.

– Не отказывайся от своей мечты, бро.

– Давайте серьезнее. Не хочу все время догадываться, с кем говорю. Может, у кого-то из вас есть шрам или что-то наподобие?

– Нет. Но я упрощу тебе задачу, – говорит Кристиан. – У Кэма голубая футболка. У меня зеленая.

Жду серьезного ответа, но не получаю его.

– Да прекратите. Я умнее твоей бывшей подружки Эйприл. Дайте нормальный ответ.

Кристиан хмурится, его большие пальцы засунуты в петли джинсов.

– Откуда ты знаешь про Эйприл?

– Встретила ее в туалете. Она включила режим стервы.

Кэм срезает путь между двумя грузовиками.

– Эйприл напрягала тебя?

– Я попытаюсь усмирить ее на вечеринке, – говорит Кристиан. В его голосе не слышится злость, но комментарий заставляет понервничать.

– Она не настолько пугающая, чтобы меня напрягать. Она издевалась над девочкой из ее команды. – Поворачиваюсь

к Кристиану. – И, если кого-то надо усмирить, я сама могу справиться.

– Я лишь имел в виду, что поговорю с ней. Вот и все. – Кристиан проводит рукой по влажным волосам, отчего они торчат в разные стороны. – Я никогда не коснусь девушку рукой.

Кэм усмехается, и Кристиан добавляет:

– То есть в плохом смысле... или не спросив сначала. Но если у меня есть от нее разрешение, то куда же без рук.

Морщу нос.

– Надеюсь, в твоей голове эта фраза звучала лучше.

Кристиан чешет голову и смотрит на Кэма.

– Что я упустил?

– Слишком много информации, бро, – отвечает Кэм. – Оставь это при себе.

– Точно. – Кристиан кивает. – Извини, Пейтон. Мой косяк. Вернемся к Эйприл. Ты ей сказала, кто ты?

– А кто я? – смеюсь.

– Ты наша кузина. Ты ей сказала? – снова спрашивает он.

– Извини, я не знала, что вы знаменитости. В следующий раз попрошу ваших бывших поставить стержность на паузу, чтобы должным образом представиться.

Осматриваю парковку и пытаюсь догадаться, какая из машин принадлежит Кэмерону.

– Где твоя машина?

Кэм показывает на конец ряда.

– Серый пикап с фарами на крыше. Наш Дейл Эрнхардт сжег сцепление на своей и слишком ленив, чтобы заменить его.

– Зачем мне надрываться и чинить его, когда меня повсюду катают?

Кэм отпирает машину.

– Следи за языком. Дорога в школу длинная.

Кристиан открывает пассажирскую дверь и пытается помочь мне залезть.

– Я справлюсь. – Стараюсь подтянуться, но не хватает сил.

– А мне так не кажется, – говорит Кристиан.

После нескольких попыток забираюсь на подножку и оттуда затаскиваю себя внутрь.

Следом за мной запрыгивает Кристиан.

– Много возни без причины.

– У меня была причина.

– Вряд ли хорошая.

Кэм заводит машину и включает передачу. Двигатель ревет, сиденья вибрируют. Больше напоминает монстр-трак, чем обычный пикап.

Прикрываю уши.

Кэм похлопывает по приборной панели и выезжает с парковки.

– Не такая уж она громкая.

Мы проезжаем мимо ферм, автозаправки и закусочной с голубым неоновым знаком: САМАЯ ЛУЧШАЯ ЗАКУСОЧ-

НАЯ ВО ВСЕМ ШТАТЕ.

Такой вечер пятницы не совсем типичен для меня – даже в параллельной вселенной. Я должна быть в доме Тесс, бороться за уголок зеркала, пока вместе красимся, и раздвигать, куда поехать сначала. Благодаря частным школам в Вашингтоне и государственным, как наша, у нас было как минимум два-три варианта.

Кэмерон съезжает с главной дороги и едет по траве к скоплению машин, припаркованных перед длинным амбаром. Сбоку горит костер. Он паркуется за красным пикапом и убирает ключи в карман.

Я осматриваюсь.

– А где дом?

Кристиан показывает на крутой холм возле амбара.

– На самом верху.

Я ни за что туда не доберусь.

– Не уверена, что мое колено справится с таким подъемом.

– Вечеринка не в доме. Это амбарная вечеринка, – говорит Кэм, словно это прояснит проблему.

Амбарная вечеринка – в Вашингтоне нечасто услышишь такой термин.

Кристиан тянется к ручке двери, и я хватаю его за руку.

– Я никуда не пойду, пока мы кое-что не проясним.

– Хорошо. Выкладывай, – говорит Кристиан.

Встревает Кэм:

– Если ты нервничаешь...

– Я не нервничаю. – Ладно, это вранье, но я пытаюсь изложить свою точку зрения. – И мне не нужны няньки.

Кэм снова пытается:

– Мы никогда не говорили...

– Я не закончила. Вы должны поклясться, что никому не расскажете, как я повредила колено – ни тренеру, ни вашим подружкам, ни даже священнику. Я хочу восстанавливать колено, а не отвечать на вопросы о моем прошлом.

– Не волнуйся, – отвечает Кристиан. – У нас нет девушек, а в Блэкоутер отсутствуют священники. Только пасторы.

– Вы упускаете главное. – Пора объяснить другим способом. – Если вы кому-нибудь расскажете о случившемся, я в день игры подсыплю вам в еду слабительное.

У Кэмерона отвисает челюсть.

– Это неправильно во всех смыслах.

Кристиан смеется.

– Она это не серьезно.

– А вот и посмотрим.

Не знаю, можно ли доверять близнецам. Я хочу им верить, но ситуация с Ридом доказывает, что на мои инстинкты нельзя положиться.

– Мы сохраним твой секрет, – говорит Кэм.

– Унесем его с собой в могилу. – Кристиан спрыгивает и ждет, когда я спущусь.

– Если кто-то спросит, что произошло, то я упала с лест-

ницы, – сообщаю я, когда мы пересекаем поле.

Технически так и есть.

– Без каких-то подробностей.

Надо, чтобы история была простой. Чем сложнее она будет, тем быстрее мои братья совершат промах.

– Не волнуйся. У нас все под контролем, – говорит Кристиан.

– Если Кристиан не облажается, – добавляет Кэм.

– Это не я забыл поменяться галстуками в прошлом году на балу. Именно так Эйприл все поняла.

Полагаю, он говорит не о смене галстука.

– Пожалуйста, скажите, что вы не... Забудьте. Не хочу слышать подробности.

– Уверена? Это отличная история.

Кристиан улыбается.

– Так, мне нужно что-то знать?

Иду между ними, моя голова находится на одном уровне с их плечами.

– Не верь тому, что говорит тебе Титан. Он – выпендирожник и профи в залезании к девчонкам в... – Кристиан замолкает, пытаясь придумать конец предложению.

– Трусы? – заканчиваю за него.

– Да. Туда.

Костер у красного амбара словно из книги с картинками. Амбар выглядит слегка запущенно, у настоящего стога сена на бочке стоит пивной бочонок. Вокруг костра располо-

жились человек пятнадцать-двадцать, кто-то на садовых стульях, кто-то на одеялах. Девушки одеты в кожаные куртки или симпатичные пальто. Некоторые даже в ковбойских ботинках, но им вроде в них удобно, словно в кроссовках.

Мои темные джинсы, многослойный топ и папина кожаная куртка отлично вписываются.

– Ну наконец-то. – К нам идет симпатичный парень размером с игрока НФЛ. На нем куртка Воинов, накинутая на заправленную фланелевую рубашку, джинсы и бейсболка с оранжевой буквой «Т» на ней, а щетина придает ему вид фермерского паренька. Из-за его огромного роста близнецы кажутся не такими уж высокими.

– Я думал, вы забили.

Огромный парень обхватывает большой палец Кэмерона своим, и они странно приветствуют друг друга.

– Наша кузина только что приехала в город. – Кэм кивает в мою сторону: – Это Пейтон.

Парень улыбается и скользит взглядом по моему телу.

– Твой отец назвал тебя в честь Пейтона Мэннинга?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.